

АВТОР КУЛЬТОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ХИЖИНА»

УИЛЬЯМ ПОЛ ЯНГ

Сва

«Эта книга породит много шума и споров».

- Publishers Weekly -

Annotation

Новый роман, обещающий стать книгой десятилетия, от Уильяма Пола Янга, автора бестселлера «Хижина», проданного тиражом 22 000 000 экземпляров.

На берег острова океанские волны выбрасывают грузовой контейнер. В нем 11 жестоко убитых женщин, бывших секс-рабынь, и 12-я девушка, сильно изувеченная, но живая. Придя в сознание, она обнаруживает, что ее спас некий Джон Коллекционер, что она почти полностью парализована и ничего не помнит из своего прошлого.

С каждым днем к девушке будут возвращаться силы, а вместе с ними придет и страшная правда: ее новая внешность, ее ужасающее прошлое и то, ради чего ее спас Джон Коллекционер...

Уильям Пол Янг

Ева

Посвящается моей сестре Дебби.

Я бесконечно счастлив быть твоим братом

Глава 1

Находка

Джон Коллекционер сидел, облокотившись спиной о ствол дерева. Голыми пальцами ног он ощущал прохладный прибрежный песок и смотрел на океан. Вставало солнце, и океан был прекрасен, как тихая, произнесенная про себя молитва. Курчавая от волн поверхность воды уходила к горизонту, где сливалась с безоблачным серебристо-белым небом.

Вдруг в соленом морском воздухе появился аромат эвкалипта, мирры и цветов абиссинской хагении. Джон улыбнулся. Он знал, что эти запахи всегда предшествуют ее появлению. Он поборол желание вскочить на ноги, лишь подвинулся, чтобы ей было куда сесть, опустил голову и сделал глубокий вдох. Он давно ее не видел.

Высокая женщина с черным, как воронье крыло, цветом кожи молча приняла приглашение и села рядом. Она подняла руку и потрепала его седеющие черные волосы с нежностью, на какую способна только мать, ласкающая своего ребенка. Нежность ее прикосновения сладостной волной пробежала по его телу, он почувствовал умиротворение, и его плечи распрямились, словно с них сняли тяжелую ношу, о которой он и сам не подозревал.

Он мог бы долго греться в лучах ее присутствия, но она никогда не появлялась просто так, а только по делу. Джон всеми силами пытался сдержать свое любопытство и наслаждался умиротворением, которое всегда испытывал от ее близости.

— Мать Ева? — произнес он через некоторое время.

— Джон?

Он не смотрел на нее, но чувствовал, что она улыбается. Эта женщина была стара как мир и все же излучала непосредственность и радость, свойственные только детям. Она поцеловала его в макушку.

— Прошлый раз мы встречались здесь... — начала она.

— ...ровно сто лет назад, — закончил Джон и продолжил: — Я признателен за то, что своим появлением ты почтила меня и отдала дань этой круглой дате.

— Да, сто лет в любом из миров — это небольшой, но все же повод для торжества. Впрочем, я здесь не только по этому поводу.

Он поднялся и стряхнул с одежды песок, после чего протянул руку Еве, чтобы помочь ей встать. Она приняла протянутую ей руку, но встала без его помощи. Ее лицо, этот шедевр бесконечной радости и горя, украшали морщины прожитых лет, которым нет числа, а вокруг головы густые белоснежные волосы сложились в виде нимба или королевской короны. Ее кожа была гладкой и ровной, как у ребенка, и светилась, а темные глаза горели, как яркие звезды.

Она увидела, что с языка Джона готовы сорваться десятки вопросов, и остановила его, подняв вверх руку.

— Джон, — произнесла Ева, — один правильный вопрос стоит тысячи неправильных. Поэтому внимательно отнесись к тому, что хочешь сейчас сказать.

Он задал свой вопрос, почти не задумываясь.

— Как долго? — с тоской в голосе спросил Джон. — Как долго нам осталось ждать конца, того дня, когда наша работа будет завершена?

Он взял ее руку и приложил ладонью к своему сердцу.

— Гораздо меньше, Джон, чем когда я впервые задала себе этот самый вопрос, — ответила Ева.

Глядя в ее глаза цвета темного янтаря, он глубоко вздохнул и кивнул.

— Я пришла, чтобы передать тебе известие, Джон. Сегодня в этом мире родится мой ребенок.

Джон нахмурился:

— Твой ребенок?! Но, мать Ева, разве все мы уже не являемся твоими детьми, твоими сыновьями и дочерьми?

— Да, это так, — ответила она. — Но мы всегда знали, что придут три особенные, исключительные женщины, которым суждено олицетворять весь род людской. Та, которой дадут обещание о семени, та, чье семя раздавит голову змеи, и та, что объединит в себе все семя человеческое. Мать, Дочь и Невеста. Скоро появится та, чей приход будет началом конца.

Джон был настолько поражен услышанным, что не заметил, как Ева подняла камешек и подошла к кромке прибоя. Потом он увидел, что женщины нет рядом, и тоже направился к воде. Ева подбросила камешек вверх, он описал дугу и бесшумно упал в воду.

— Джон, — сказала Ева, — в океане Вселенной всего лишь один камень, и расходящиеся от него круги в состоянии изменить все.

Джон смотрел на набегающие волны и чувствовал, как они подмывают песок из-под его ног. Все, что говорила Ева, всегда действовало на него успокаивающе, хотя очень часто оказывалось полной неожиданностью.

Сзади него раздался резкий голос:

— Ты витаешь в облаках грез, Джон.

Он повернулся. Легкий ветерок с моря играл его волосами.

Ева исчезла, но ее запах остался. Перед Джоном стояла Летти. Джон глубоко вздохнул.

— Мусорщики уже целый час пытаются с тобой связаться. Ведь во всей округе ты единственный Коллекционер...

Джон отвернулся от океана, нашел под ногами обточенный волнами плоский камень и запустил «блинчик». Камень с приятным звуком несколько раз подпрыгнул на поверхности воды. Джон и сам не понимал, почему каждый раз так радуется, когда удается запустить красивый скачущий «блинчик».

— А с чего такая спешка? — задумчиво спросил он Летти, наклонился и поднял еще один плоский камень.

Летти была старушкой ростом чуть выше метра. На ее плечах висела старая шаль, на ногах были неодинакового цвета носки и башмаки из разных пар, а в руках клюка. Ее лицо походило на яблоко, которое надолго оставили лежать на солнце: еще круглое, но морщинистое и слегка вяленое. У Летти были зоркие черные глаза, орлиный нос и рот, в котором отсутствовало большинство зубов. Ее клюка могла вполне сойти за жезл волшебника, и этой самой клюкой она указывала на Джона.

По выражению ее лица Джон понял, что произошло что-то важное, и выпустил из ладони камень.

— Летти?

Ее сообщение было кратким:

— Сегодня утром в воде заметили большой металлический контейнер. Его вытащили на

берег и открыли. Ученые уже подтвердили, что он приплыл с Земли в реальном времени.

— Ну, такое уже неоднократно случалось, — спокойно заметил Джон.

— В контейнере оказалось двенадцать трупов. Все, кроме одного, молодых женщин.

— Боже! — выдохнул Джон.

Это слово прозвучало как молитва и восклицание одновременно.

— Судя по всему, этот контейнер использовался для транспортировки людей на большие расстояния и, скорее всего, находился на большом судне. К берегу не прибило никакого мусора, как это бывает при крушении корабля, поэтому мы пришли к выводу, что его сознательно сбросили за борт. Правда, перед этим всех находившихся в нем расстреляли. Однако у любой медали есть обратная сторона, и в любой трагедии бывает... — Она не закончила фразы, и он расслышал в ее голове нотки волнения.

Джон повернулся и сел на песок, подтянув к подбородку колени. Ему показалось, что в свежести океанского воздуха и теплом солнечном свете уже нет радости. Она вся исчезла, ушла вместе с Евой.

Он окунулся в свою боль и почувствовал, как Летти участливо коснулась его плеча, желая успокоить.

— Джон, мы не можем позволить, чтобы болезнь темноты поразила наши сердца. Мы совершенно справедливо чувствуем негодование. Мы знаем, что в мире бывает горе. Но мы никогда не должны покидать объятий радости, пусть это и выше нашего понимания. Чувствовать то, что ты чувствуешь сейчас, — это значит жить.

Он мрачно кивнул:

— Ты сказала, что все жертвы были женщинами, за исключением одной.

— Да, среди них был один мужчина средних лет. У нас всех возникло ощущение, что он, возможно, пытался защитить девушек. Однако, чтобы понять эту историю до конца, потребуется время.

— Я не хочу видеть...

— И не увидишь. Тела перевезли в Храм Скорби для того, чтобы подготовить к преданию огню. Это произойдет завтра. А сейчас нужно сделать то, что умеешь делать только ты. Потом Мусорщики разберут контейнер, а Художники найдут способы, чтобы почтить память этих бесценных детей.

Джон закрыл глаза и поднял голову к небу. В душе он уже сожалел о том, что разговор с Евой так неожиданно прервался.

— Не медли, иди, — сказала Летти. — Тебя уже ждут.

Размеры контейнера поражали. Это была железная коробка, по крайней мере, десять метров в длину. Джон подумал о том, что потребовалось наверняка не меньше десятка Тяжеловозов, чтобы выкатить ее по бревнам на берег. От кромки воды по песку тянулась глубокая борозда, показывавшая путь, по которому тащили груз. Рядом с контейнером были расставлены столы, на которых лежали вынутые из него вещи: одеяла, одежда и детские игрушки. Казалось, температура около него на несколько градусов ниже, несмотря на яркое, припекающее солнце.

Джон достал из кармана небольшую коробочку, открыл и надел на палец лежавшее в ней кольцо. Все, до чего он дотронется этой рукой, будет магически маркировано сегодняшним числом, что поможет разбирать, каталогизировать и архивировать все эти вещи после того, как их доставят в Прибежище для последующего анализа. После этого Джон вынул из кармана и натянул на руки тонкие перчатки.

Рядом с Джоном стоял небольшой черный комод с тремя выдвижными ящиками, и он дотронулся до него рукой. Поверхность комода была холодной. Он попробовал открыть ящик, но тот не поддавался. Джон позвал стоящую в стороне Мастерницу, умеющую открывать любые замки, и та сделала свою работу за пару секунд. Джон открыл один из ящиков и увидел, что в нем хранились документы: счета, записи, отчеты.

В нижнем ящике комода лежали папки с личными делами погибших девушек. Информации по каждой из них было немного: рост, вес и возраст. В папках находились и фотографии каждой из жертв. Имена этих девушек, без всякого сомнения, были вымышленными и представляли собой названия стран Земли в порядке английского алфавита: Алжир, Боливия и так далее до буквы Л — Ливана. Джон внимательно рассмотрел фотографии и подумал о том, что у каждого изображенного на фотографии человека своя история, которую он, рано или поздно, узнает.

Он уже хотел закрыть ящик, чтобы продолжить осмотр других вещей, как вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Он посчитал количество папок. Двенадцать штук, все правильно, именно такое количество людей упоминала Летти. Однако он не мог избавиться от чувства, что что-то было не так. Летти говорила, что среди жертв был один мужчина. Джон снова пересчитал папки. Их было двенадцать, и на каждой приложенной к делу фотографии было изображено лицо молодой девушки. Получается, что девушек должно быть двенадцать, хотя на самом деле было найдено одиннадцать женских трупов и один мужской. Где же еще одна? Может быть, кому-то удалось сбежать или возникла какая-то путаница с документами, допустим, личное дело положили в комод, а самой девушки в контейнере не оказалось? В любом случае была какая-то неувязка, небольшое досадное несовпадение, которое он не мог объяснить, загадка, которую пока он был не в силах разгадать.

Может быть, Ева имела в виду одну из этих девушек?

Словно по наитию он направился к контейнеру, перед входом в который выстроились в ряд резиновые сапоги. Их надевали, чтобы защититься от возможного заражения, а также чтобы не привнести в контейнер никаких микробов, что могло бы повлиять на результаты дальнейших тестов и исследований его содержимого. Джон выбрал сапоги, подходящие ему по размеру.

— Это ужасная трагедия, просто ужасная, — заметил Джону Инженер.

Надевая сапоги, Джон кивнул ему в ответ.

— Мне надо ненадолго зайти внутрь, чтобы кое-что проверить, — сказал он. — Вы нашли что-нибудь еще, о чем мне стоит знать?

— Нет, пока разбираемся. Все самое важное из контейнера мы уже вынули.

Джон снова кивнул в ответ.

— Да, мы только что выключили кондиционер, поэтому внутри мороз, словно зимой. Не знаю, как так получилось, что кондиционер работал в режиме охлаждения, но с другой стороны, может, это и к лучшему: так тела хорошо сохранились. Да, и еще, поаккуратнее там — пол очень скользкий.

Дверь контейнера со скрипом открылась, и внутреннее освещение автоматически включилось. Судя по всему, оно работало от отдельных батарей, не связанных с системой кондиционирования. Перед тем как войти в контейнер, Джон сделал глубокий вдох, и, когда, уже стоя внутри, выпустил из легких воздух, изо рта поднялось облачко пара.

Приблизительно треть площади контейнера была занята самыми разными крупными предметами: коробками, ящиками и коврами. На полу лежал мусор, и Джон подумал, что

рано или поздно надо будет его перебрать. Тут и там на полу и стенах контейнера виднелись кровавые пятна. Джон аккуратно обходил лужи замерзшей крови.

В дальнюю стену был вделан огромный вентилятор, лопасти которого не двигались и уже успели покрыться инеем. Джон быстро осмотрел помещение, чтобы удостовериться, нет ли в нем тайника, где могла быть спрятана двенадцатая девушка, которой он недосчитался.

Его внимание привлек выступ на стене с вентилятором. Это была чуть выдающаяся вперед металлическая пластина длиной приблизительно около полуметра. Джон подошел и внимательно рассмотрел ее. В нижней части были видны уходящие в стену металлические петли. Он провел рукой по верхнему краю и обнаружил углубления с зажимами, державшими крышку выступа, который вполне мог оказаться тайником. Джон понял, что если откроет зажимы, то вся конструкция выдвинется из стены и он увидит, что находится внутри. Что же это такое? Может быть, выдвижной столик или кровать? А может быть, и место, в котором прячется охранник?

Он задумался. Потом подул на руки и надавил на зажимы, которые с резким металлическим звуком открылись. Он начал вытягивать и опускать четырехугольный люк, сквозь перчатки ощущая ладонями леденящий холод металла. Люк оказался тяжелым, и Джону пришлось подналечь плечом для того, чтобы отделить его от стены, в которую он был вмонтирован. И вот там-то, внутри образовавшегося пустого пространства, он и нашел ее.

Внутри узкой щели оказалась практически раздавленная девочка-подросток. Кто-то с силой закрыл люк, и она не успела правильно улечься внутри, поэтому невооруженным глазом было видно, что ее кости во многих местах сломаны. Можно было подумать, что девочка тихо спит в странной изогнутой позе, положив голову на плечо и неестественно вытянув и согнув руки и ноги, если бы не раны на ее теле и не обильно сочащаяся из них кровь. Одна нога у нее была практически оторвана от тела и держалась на лоскуте кожи. Джон с ужасом смотрел на лежащую перед ним девочку, которая словно вмерзла в окружавшее пространство и время.

Потом он резко развернулся и пошел к выходу из контейнера. В этот раз он даже не думал обходить лужи крови, а шел напрямик, не обращая на них никакого внимания. Ему следовало позвать специалистов, которые знают, что делать в подобных ситуациях.

— Я нашел еще одну девочку! — громко закричал он, оказавшись у выхода, после чего мимо него внутрь этой огромной железной коробки вбежало несколько человек.

Джон вышел наружу, снял сапоги, прошел к палатке, в которой недавно осматривал комод, и сел на землю.

— Боже! — прошептал он. — И это доказательство того, что Ты нас любишь? — Он замолчал и, посмотрев в сторону контейнера, тихо добавил: — Умоляю, возьми ее душу и подари ей покой.

Со стороны, где стоял контейнер, слышались громкие крики и топот ног. В палатку вбежал один из знакомых Джону Тяжеловозов и в порыве радости обнял его.

— Ты представляешь, Джон, она жива! Девушка, которую ты нашел, жива! — Тяжеловоз снова обнял Джона и продолжил: — Теперь тут у нас еще и Искатель. Кто бы мог себе это представить? — закончил он и вышел из палатки.

Джон ощущал только зияющую пустоту внутри. В изнеможении он обхватил голову руками. Если это тот ребенок, о котором говорила Ева, то его рождение оказалось непомерно страшным. Такое появление на свет не предвещало ничего хорошего. Что может ждать ребенка, который пришел в этот мир с такими страданиями?

Глава 2

Начало Всех Начал

К ней вернулось сознание, и она мгновенно почувствовала страшную боль во всем теле. Почему? Что произошло? Она не знала, ее память была пуста, как чистый лист.

Потом перед глазами появились и замелькали разные не связанные между собой картинки. Вспышки света и полная темнота.

Сперва она слышала резкие и громкие звуки и почувствовала страх. Дыхание стало неровным, по лицу потекли слезы.

Потом мысленным взором увидела еще одну, более яркую, чем ранее, вспышку света, движение смазанных тел и слышала музыку. Смычковых инструментов, представьте себе на минуточку. Перед глазами появилась чернокожая женщина, неожиданно превратившаяся в загорелого мужчину с красным галстуком-бабочкой. Что за ерунда? Ей надо проснуться, но она чувствует себя такой усталой.

Она чувствует, что в голове словно воет ветер... видит огромные, бушующие, накатывающиеся на нее волны... вдох... поток воды... она не может дышать...

Когда в глазах снова стало темно, она этому только обрадовалась.

Потом она почувствовала, что снова пришла в сознание, и увидела над собой размытое и зыбкое лицо. Ей показалось, что она слышит чей-то голос. Где она находится? Кто она?

Даже с закрытыми глазами она продолжала видеть череду странных и не связанных между собой воспоминаний, кошмаров или грез. Воздух казался тяжелым, как вода. Грудь нестерпимо болела. На этот раз ее накрыла чья-то огромная тень — более реальная, чем остальные видения. Эта тень расширилась и поглотила ее целиком. Свет стал отдаляться, пока не превратился в точку, после чего весь мир окончательно погас.

Она закричала от ужаса, но не услышала звука своего голоса. Где она и что с ней происходит?

За закрытыми веками одна за другой проносились картинки. Что это? Воспоминания, галлюцинации, ужасы или видения? Она вся сжалась, пытаясь спрятаться и исчезнуть. Но где ей спрятаться? Она пыталась закричать, но слышала лишь сдавленные рыдания.

Потом она почувствовала на своем лбу что-то мягкое и теплое. Повязка? Компресс? В любом случае это было что-то приятное. Донесся какой-то резкий запах. Он окутывал и наполнял ее, обволакивая руки, ноги, голову. Пришло долгожданное облегчение. Звуки стали приглушенными. Она успокоилась.

И снова заснула.

Проснувшись или снова придя в себя, она слышала тихий разговор.

— Джон, — произнес резкий женский голос, — эта молодая особа — сплошная загадка. Хилеры пытаются установить, откуда она, но у нее такой генетический код, с которым они еще никогда не сталкивались. Никто из нас не видел ничего подобного! Это полная и необъяснимая аномалия!

В ответ прозвучал спокойный, размеренный и, как ей показалось, добрый мужской голос:

— Неисповедимы пути Господни.

Девушка попыталась открыть глаза, но веки не поднимались. Было ощущение, что на них лежит неподъемная тяжесть. Даже попытка открыть глаза довела ее до полного изнеможения. Почему, почему она не может двигаться?

— Хилерам потребуется время, чтобы понять, кто она такая, — произнесла женщина.

— Что ж, мы их не торопим, пусть бьются над разгадкой тайны. У нас есть время. Я даже не знаю, когда она выздоровеет, — с грустным вздохом ответил Джон. — Летти, признаюсь, мне и самому известно не больше остальных. Ясно только, что это загадка и за разгадку несую ответственность я.

Летти засмеялась.

— Да уж, сердобольный ты наш! — ответила она.

Девушка сделала над собой усилие. «Проснись! Проснись!» — убеждала она саму себя. Все тело страшно болело и ныло. Казалось, что она падает.

— Я одного не понимаю, — услышала она голос Джона. — Почему Ева выбрала меня? Почему меня предупредила? Как ты сама думаешь?

— Ну, может, потому, что ты сам был Свидетелем?

— А какое отношение это может иметь к девушке?

В ответ Летти стала вполголоса что-то напевать. Мелодия приносила ощущение счастья. Она больше никуда не падала, а лежала на ровной поверхности. Голоса стали отдаляться. Ее охватило чувство полного умиротворения.

«Дочь, — услышала она голос издалека. — Дочь».

Воздух наполнился запахом цветов и специй. Она почувствовала нежное, как перышко, прикосновение. Кто-то заботливо и мягко провел пальцами по ее руке. Прикосновение было приятным и словно возвращало ее к жизни.

— Мое дитя.

«Какое еще дитя?» — пронеслось в уме девушки.

Она снова попыталась поднять веки, и на этот раз глаза послушно открылись.

Рядом с кроватью стояла чернокожая женщина. Одновременно молодая и старая как мир, она казалась простой и доступной, но при этом величественной, как королева. Женщина наклонилась, нежно поцеловала девушку в лоб и улыбнулась.

— Кто ты? — прошептала девушка.

Казалось, что в присутствии этой женщины надо говорить тихо и учтиво. Впрочем, может, она и не произносила этих слов, а лишь подумала об этом?

— Я твоя мать. А ты — Свидетель. Пойдем со мной, я тебе кое-что покажу, — ответила женщина, даже не размыкая губ.

Ее пальцы сомкнулись вокруг запястья девушки, и пришло ощущение невесомости.

«Моя мать?» — с удивлением подумала она.

Слово «мать» вызвало в ней непонимание и бурю чувств. Ей сразу же расхотелось следовать за женщиной.

— Пойдем, дочь моя. Ты станешь Свидетелем мироздания, и это поможет излечить твою душу и тело.

Девушка безуспешно пыталась высвободить руку из нежных, но крепких пальцев женщины. И тут почувствовала, как ее щеки холодит ветер. Она стремительно взлетала вверх и теперь уже старалась крепко держаться за ладонь женщины. Взглянув вниз, девушка увидела собственное тело. Изуродованное, опутанное трубками, капельницами и проводами, подключенными к стоящим рядом медицинским аппаратам, оно осталось далеко внизу.

Девушка задержала дыхание и замерла. Ей было очень плохо.

«Сколько раз мне суждено умирать?» — с тоской подумала она.

— Нет, это не смерть, — заверила ее женщина. — Это жизнь. Ты только посмотри. Я обещаю, ты не разочаруешься.

И тут неожиданно женщина отпустила ее руку. Она бросила ее.

Девушка плотно зажмурила глаза в предвкушении стремительного падения. Однако этого не произошло, она повисла в пространстве, словно в невесомости. По коже неожиданно разлилось тепло, окутавшее ее влажным покрывалом. Она почувствовала, как влага проникает ей в рот, и ужаснулась от мысли о том, что проглатывает эту странную, сладкую жидкость. Жидкости было много, она заполнила все легкие, и девушка ощутила подкатившуюся к горлу желчь тошноты.

Но она не задохнулась, а только постепенно расслабилась.

«Я дышу жидкостью? Но ведь это невозможно! Это полное сумасшествие!» — пронеслось у нее в голове.

Она широко раскрыла невидящие глаза и решила раствориться в этом сладком, жидком эфире. Она сознательно решила ни за что не цепляться, не бросать нигде якоря, не искать тихой гавани, не хвататься как за соломинку за какое-либо воспоминание. И почувствовала себя почти свободной.

Пришло умиротворение и понимание: ее не оставят одну, о ней позаботятся. Кто-то знал о том, что она здесь, и этим кем-то была чернокожая женщина, назвавшаяся ее матерью. Она пригласила девушку взглянуть на это место. «Взгляни», — говорила она. Но Вселенная была пустой и бесформенной. В ней не было ничего.

Девушка даже стала сожалеть о том, что приняла приглашение. Приманка и последующий неизбежный обман — до боли знакомая история.

Она не знала, как долго находится в этом жидком эфире. Может, это длилось наносекунду, а может, и миллион лет. Во времени и пространстве не было ориентиров, за которые можно было бы зацепиться, чтобы понять изменение чего-либо. Смотреть было нечего, потому что ничего не показывали.

Потом пришло ощущение взрыва. Она резко дернулась всем телом и вытянула шею в сторону вспышки света. Это был сильнейший, сногсшибательный поток энергии и информации, и этот поток, как ядерная вспышка, докатился до нее. Это был свет. Это был восторг. Это были огонь и радость, кровь и вода. И это был голос — один и великое множество, — который наполнил и объединил зияющую пустоту.

Хаос и материя столкнулись, и от этого столкновения брызнули искры радости и силы, из которых, в свою очередь, появились энергия, пространство и время. Вокруг стояли существа-духи и громко аплодировали происходящему. Они хлопали в ладоши, и разноцветные капли жидкости разлетались во все стороны, как искрящиеся радугой драгоценные камни. Вселенная пела, и казалось, вокруг главной мелодии мироздания звучит множество радостных мелодий, напеваемых прекрасными существами-духами, наблюдавшими за процессом сотворения мира.

Девушка чувствовала себя меньше мельчайшей пылинки и одновременно больше всей бесконечной галактики. Казалось, радость разрывает на малейшие частицы рождающуюся материю, чтобы потом снова собрать их вместе. Ее поднял хор ликующих голосов, и она почувствовала миллионы нежных и сладких запахов. Запахи благовоний создавали свою мелодию и танцевали свой танец рождения мира. Все громче слышались не Один, не Два, а

Три голоса, которые на самом деле являлись Одним и тем же Неделимым голосом бытия. Раздался громкий и радостный смех.

— Это Великий Танец, — произнес голос, в котором было Три голоса.

«Танец матери?» — подумала девушка.

— Танец Начала Всех Начал.

Девушка покачивалась на волнах эфира. Ей так хотелось снова увидеть ту женщину, и она прошептала: «Мать!»

— Ну, наконец-то ты проснулась. Добро пожаловать в мир живых и в Прибежище.

Ей показалось, что она уже где-то слышала этот голос.

«Ааа, это Джон», — подумала она.

Голос был земным и твердым по сравнению голосами, которые она только что слышала, и показался девушке слишком обыденным.

«Ну, что же мне так не везет! — не без раздражения подумала она. — Я снова умерла и попала в ад. И в этом аду, оказывается, есть мужчина».

Девушка попыталась повернуть голову в сторону этого голоса.

— Нет! Не двигайся! — услышала она встревоженный возглас.

Но было слишком поздно, и она почувствовала резкую и острую боль в шее. Казалось, там, где она находится, выключили свет. Все кругом погрузилось в темноту, и перед тем как она снова потеряла сознание, в голове пронеслась мысль: «Ну, вот, все это со мной уже было...»

Что-то мягкое коснулось ее лба. Потом она услышала шепот:

— Только что ты видела сотворение мира, Начало Всех Начал. Ты наблюдала первое зачатие. Теперь мы ждем появления ребенка.

Она открыла глаза и увидела, что космос все еще расширяется во все стороны.

— Я видела сотворение мира?

— Да, его самое начало, чрево творения. — Казалось, этот голос идет ниоткуда и отовсюду, словно он был одновременно вокруг и внутри ее самой.

Девушка осмотрелась вокруг:

— Тот самый большой взрыв?

В ответ послышался громкий смех. Он стал золотой пуповиной, соединяющей ее с видимой глазу гармонией и мелодиями, из которых складывалась бесценная ткань бытия, сотканная из драгоценных камней огня, надежды, веры и любви.

Чрево творения расширялось. В нем была заложена неудержимая и яростная жизненная сила, но при этом оно развивалось по своим точным законам и в нем существовал свой собственный строгий порядок.

Девушке стало не по себе. Она ждала продолжения истории, ее поступательного развития, но одновременно не могла избавиться от привкуса цинизма, словно столкнулась с чем-то уже давно знакомым и понятным. Начало Всех Начал, эта первая история влекла и отталкивала ее. Было ощущение, что все это она давно видела и слышала, но при этом ее не оставляло понимание, что эта история совершенно новая.

Все это было прекрасно и ужасно одновременно. Перед ее глазами появился небольшой, крутящийся в пространстве синий шар, такой хрупкий и одинокий.

— Вот здесь, из воды, крови и пыли скоро зародится жизнь! Из этого чрева скоро родится ребенок, и ты, дочь моя, будешь свидетелем его рождения. Ты Свидетель Начала Всех

Начал.

Эти слова прозвучали в ушах девушки как приговор. Это были слова веры, и от них в ее душе открылась кровоточащая рана.

О, нет!

— Это мой подарок тебе, дочь моя. Подарок тебе, а также каждому мужчине и женщине, что появятся в этом новом мире.

— Нет, — твердо произнесла девушка. Это слово отравленной стрелой воткнулось в ткань бытия. — Я не свидетель. Я не хочу быть свидетелем.

И тут огни Вселенной потухли.

Она пришла в себя под нечленораздельное бормотание и какие-то щелчки в углу. Она почувствовала, что лежит на кровати. Насколько мелодия Вселенной и рождения мира была радостной и приятной, настолько эти новые звуки показались ей будничными и обыденными. Было ощущение, что до этого она наслаждалась рокотом водопада, а сейчас кто-то забыл закрыть на кухне капающий кран.

При этом ей было приятно очнуться.

Кто-то поблизости напевал незнакомую незатейливую мелодию без слов. В горле першило, и она сделала над собой усилие, чтобы кашлянуть. Звуки мелодии прекратились, и она услышала приближающиеся шаги.

— Приходи в себя. Давай попробуем еще разок, — услышала она мужской голос.

«Это, наверное, Джон», — подумала она. На этот раз она смутно видела склонившееся над ней лицо. Его контуры были нечеткими, словно она смотрела сквозь туман или со дна океана через толщу воды. Она смотрела на темнокожего мужчину с кустистыми бровями, залысиной на лбу и короткой бородкой с серебряными прожилками седины. Появление в поле зрения этого лица вызвало прилив тошноты, и она в изнеможении закрыла глаза.

Нечленораздельное бормотание возобновилось.

Джон нежно вытер слезы с ее лица, большей частью закрытого повязкой. Она вздрогнула от прикосновения и хотела сказать, чтобы ее не трогали, но не смогла открыть рот. Подбородок крепко держала скоба, чьи металлические прутья оканчивались во рту, оставляя привкус стали. Она попыталась сглотнуть и снова почувствовала, что ее подбородок находится в железной клетке.

— Все хорошо, успокойся, — раздался мужской голос, вызвавший у нее очередной рвотный позыв. — Я понимаю, что у тебя наверняка много вопросов. Со своей стороны, могу сказать, что у меня совершенно точно очень много вопросов к тебе. Но сейчас, пожалуйста, даже не пытайся говорить, — добавил он. — Пока еще у тебя это не получится, но я надеюсь, что скоро все изменится.

Если ты меня понимаешь, — продолжал Джон, — пожалуйста, открой глаза и моргни один раз. Это будет означать «Да». Если захочешь сказать «Нет», моргни два раза.

Она моргнула один раз.

— Ага, давай на всякий случай повторим. Ты отвечаешь «Да»? Ты не просто так моргнула и это не совпадение? Пожалуйста, если ты меня понимаешь, моргни еще один раз.

Она почувствовала раздражение, и ей захотелось сделать вид, что она снова потеряла сознание. Ей не нравилось, когда ей указывали, что делать, и ей не нравилось то беспомощное положение, в котором она оказалась. Но, тем не менее, она моргнула один раз.

— Замечательно. — По тону его голоса она поняла, что он действительно рад. — Очень

хорошо. Мне не хотелось бы бросать слова в пустоту, когда меня не слышат и не понимают. Не согласна?

Ей, в принципе, было все равно, что он делает, кому и что говорит, поэтому в ответ она моргнула два раза.

— Прости! — быстро произнес он. — Мы пытаемся вести осознанный разговор, и мне надо задавать более четкие и имеющие отношение к делу вопросы. Давай поступим проще: в конце каждого вопроса я буду говорить «Да» или «Нет»? Мне кажется, так тебе будет проще, согласна? Да или нет?

Она моргнула один раз.

— Великолепно! Договорились! Теперь я объясню, где ты и кто я такой. Меня зовут Джон, и ты находишься у меня дома, который все называют Прибежищем. В комнате, кроме меня, есть еще миниатюрная и очаровательная Летти...

— Он имеет в виду, что я маленького роста, дорогая, — услышала девушка резкий женский голос, прозвучавший где-то на уровне ее кровати.

Девушке стало приятно, что в комнате находится женщина.

— Я гораздо старше его и ростом ниже, и он мне завидует, — со смешком произнес женский голос. — Скажу тебе так, дорогая, не волнуйся, ты одета и тобой занимаются женщины. В любом случае тебе Джона не надо бояться.

Девушка увидела, как на лице мужчины появилась улыбка.

— Летти, я могу пододвинуть стул, ты на него встанешь, и наша гостья сможет тебя рассмотреть, — предложил он, глядя куда-то вниз, где, видимо, находилась эта самая Летти.

— Спасибо, Джон, но пока мы можем и без этого обойтись. Я заглянула, чтобы сказать, что к нам пришли трое незнакомцев. По внешнему виду похожи на Ученых и, судя по всему, прибыли издалека. Они хотели бы переговорить с тобой и нашей гостьей. Вот, собственно, и все, что я хотела сказать.

Мужчина снова повернул голову в сторону девушки:

— Ты знаешь, как тебя зовут, да или нет?

Она моргнула два раза.

— Хм... Следовательно, я могу высказать предположение, что ты так же не знаешь, откуда ты и из какого времени к нам пришла. Нет, это не вопрос, это просто комментарий.

Она закрыла глаза, потому что разговор начал ее утомлять. Ей хотелось, чтобы Джон оставил ее в покое и дал спокойно поспать.

— Ты помнишь, откуда ты, да или нет?

Она два раза моргнула в ответ.

Джон задавал ей вопросы в течение последующих пятнадцати минут, но у нее пропало всякое желание на них отвечать, поэтому «разговор» получился однобоким, как игра в футбол в одни ворота.

Нет, она не помнила, где раньше жила. Она ничего не знала о своей семье. Она знала, что была человеком и женщиной. Эти два последних вопроса показались девушке очень странными.

Да, она чувствует боль во всем теле.

Голова гудит, она не может пошевелить ни стопами, ни пальцами и даже не ощущает, как он к ним прикасается. Она может поднять брови и слегка наморщить лоб, но это все, что ей удастся сделать.

Ее пугало, что голова гудит все сильнее и сильнее, и Джон объяснил ей, в каком

состоянии она находится. Он сказал, что девушка практически парализована. Ее лечат разными травами и лекарствами. Для ее полного выздоровления необходим абсолютный покой, и любые движения ей пока противопоказаны. Она на мгновение успокоилась, но ей тут же захотелось задать уточняющие вопросы о состоянии своего здоровья, однако сделать это она не могла.

Мужчина продолжал говорить, расхаживая по комнате и позванивая какими-то предметами. Она не представляла себе, чем именно он занимается и чем гремит. Наконец, он сообщил ей следующую важную информацию. Джон назвал себя Коллекционером. В обязанности Коллекционера входит хранение всего того, что течения океана выбрасывают на каменистый берег рядом с его домом. Джон также сказал, что девушка находится в Прибежище уже несколько месяцев.

По словам Джона получалось, что ее «выбросило» на берег расположенного между разными мирами «острова». Джон сказал, что с ней произошла трагедия, что-то неописуемо страшное. Вместе с девушкой на берег «острова» волны выбросили много мусора: контейнер из металла, обрывки бумаги, игрушки, мебель, в общем, артефакты времени и пространства, в которых девушка раньше жила. Все эти предметы сохранили, и они находятся на складе. Когда девушка поправится, она сможет их осмотреть.

— Я не знаю, кто ты, и мне неведома твоя история, — сказал Джон. — Ведь я всего лишь Коллекционер, а не Искатель.

Девушка поняла, что каким-то мистическим образом Искатели всегда связаны с теми, кого находят. Джон говорил об этом без тени сомнения, словно это был один из непреложных законов Вселенной.

Девушке не очень понравилось услышанное. Она должна быть «связана» с каким-то человеком, может быть, даже с мужчиной? От этого известия у нее на душе стало тоскливо.

Джон говорил на протяжении, наверное, четверти часа, а потом столько же времени потратил на извинения и предостережения о том, чтобы она не чувствовала себя виновной в сложившейся ситуации.

«Да что ж такое? — думала она. — Он болтает и болтает, и от его слов мне почти так же больно, как от ран».

Но потом она сосредоточилась на бормотании Летти, на той простой мелодии, которую та напевала. Эти звуки убаюкивали ее. Она не хотела и не могла вдаваться в то, что рассказал ей Джон. Она почувствовала, как ее уносит поток незатейливой мелодии, и провалилась в черную пустоту, надеясь избавиться от плохих мыслей, подозрений и сомнений.

Но этого, увы, не произошло.

Глава 3

Лили и змея

Девушка приблизилась к поверхности Земли и медленно спустилась на небольшой голый пригорок. Перед ней расстилалась равнина с непроходимым лесом. Далеко на горизонте виднелись сиреневые пики горной гряды.

Открывавшийся вид поражал величием, но девушка решила осмотреться вокруг, обернулась и в ужасе отпрянула от того, что увидела. На другом конце равнины высоко в воздух поднималось гигантское торнадо, состоявшее из воды и чистой энергии. Столб торнадо вздымался до самых небес, и от него исходили свет и тепло.

— Потрясающее зрелище, — послышался знакомый голос. — Я готова смотреть на него вечно.

Рядом с девушкой стояла высокая темнокожая женщина.

— Ты называешь себя Матерью, — сказала девушка, — но ты точно не моя мать.

Эта женщина привлекала ее гораздо больше, чем любое торнадо. Ее красота и благородство казались еще более удивительными, чем при первой встрече. У женщины было широкоскулое лицо, выразительные темно-карие глаза с ярко-золотой каемкой вокруг радужной оболочки и густые, туго заплетенные в косы светлые волосы, выложенные вокруг головы в виде короны. Одета она была в ниспадающие яркие одежды, сверкающие при каждом малейшем движении.

Женщина улыбнулась и стала приближать свое лицо к девушке, пока их лбы не соприкоснулись.

— Да, я твоя мать, Лили, — прошептала она.

— Лили? — Девушка вздрогнула, услышав это имя, но тут же поняла, что именно так ее и зовут. — Неужели я Лили? О Господи, конечно, я вспомнила. Меня зовут Лили Филдс!

Женщина сообщила ей не только имя.

— Так ты моя мать? Как это возможно?! Ты же...

— Черная? — Женщина громко рассмеялась, и вслед за ней рассмеялась и Лили. — Дорогая моя, черный — это прекрасный цвет, в котором слились все остальные цвета. Согласна?

— Но я даже не знаю, как тебя зовут...

— Ева.

— Ты Ева? Как в библейской притче об Адаме и Еве?

— Да, дитя мое. Я Ева, Мать Всех живых. Как ты думаешь, где мы сейчас находимся?

— Не знаю, — пробормотала Лили в ответ. — Это сон, галлюцинация или у меня просто какое-то серьезное психическое расстройство? — Она помолчала и потом спросила: — Может быть, я схожу с ума?

Девушка наклонила голову и утонула в земле, как будто надеялась увидеть что-то, что помогло бы ей сосредоточиться и собраться с мыслями. К своему величайшему удивлению, Лили заметила, что она сама в облачении из солнечного света, которое при этом полностью скрывает ее наготу. Ей было неприятно чувствовать себя обнаженной, но свет оказался идеальной одеждой. Она не стала углубляться в мысли о том, как можно быть одетой в солнечный свет, а решила продолжить разговор с Евой.

— Ну, если бы ты знала меня чуть лучше, — пробормотала она, не поднимая глаз, — ты бы поняла, что мне здесь совсем не место.

— Дорогая моя, — ответила Ева, — да кто из людей может признать, что хорошо знает самого себя? — Тут Ева повернулась в сторону и произнесла совершенно другим, уже не добрым и приветливым, а строгим голосом: — Я чувствую чье-то тягостное присутствие. Покажи себя, не таись!

Листья кустов зашуршали, и из них показалась голова змеи. Заметила ли она Еву, оставалось для Лили загадкой, потому что через долю секунды змея стояла в стойке прямо перед ней. Лили отпрянула. Аспид смотрел ей прямо в глаза, угрожающе раскрыв свой капюшон. Раздвоенный язык высовывался из пасти и тут же прятался внутрь, словно пробуя воздух на вкус. Ева смотрела на происходящее с непроницаемым лицом, сложив руки на груди.

— Ты кто? — прошипела змея. — Я еще не видела таких, как ты.

У Лили перехватило дыхание, и она отвела глаза.

— Я никто, — тихо прошептала она. — Я никто.

— Ты утверждаешь, что ты — никто. Но при этом у «никто» есть голос. Кто ты?

— Ничто, — ответила Лили. — И я не из этих мест.

Ей показалось, что с каждым ее словом змея увеличивается в размерах.

— Занятно. — И змея отодвинулась назад, чтобы рассмотреть ее получше. — Так скажи мне, что же привело «никто» и «ничто» в наши края?

Лили не знала, что ответить.

Змея наклонила голову и снова попробовала на вкус воздух.

— Я не знакома с такими, как ты. Вы странные. В лучшем случае вы только мешаете. И прерываете.

После этого змея резко опустилась на землю и исчезла. Лили почувствовала, будто ей милостиво разрешили жить, и вообще была в довольно взвинченном состоянии, но стояла не шелохнувшись.

— Что это было? — спросила она.

— Иногда, — ответила Ева, — змея — это всего лишь змея.

— Но она со мной разговаривала?

— А иногда змея — это чуть больше, чем просто змея. Если ложь привлекает к себе внимание, она начинает расти. Но на самом деле сейчас меня это мало волнует. Меня больше волнует то, что о твоём присутствии уже знают те, кто никогда не будет действовать в твоих интересах.

— Это меня слегка пугает, — заметила Лили.

— Не бойся, — ответила Ева. — Я видела, как развивается этот сюжет.

— Все это... — Лили подняла вверх руки, как бы соглашаясь с собственной принадлежностью к этому миру. — Так все это уже происходило?

— Нет, этому только предстоит произойти, — ответила Ева, что несколько не показалось Лили странным. — И ты здесь для того, чтобы быть Свидетелем.

— Ева? — Лили инстинктивно протянула к женщине руки, и их пальцы сплелись.

Девушку удивляло, что она спокойно и открыто высказывает свои мысли, не боясь, что ее будут за это судить или наказывать.

— Да, дочь моя, — с нежностью в голосе произнесла Ева и крепче сжала пальцы Лили.

— Я не хочу быть Свидетелем чего бы там ни было.

— Это большая честь, которую, поверь мне, оказывают немногим.

Девушка почувствовала, как в горле застрял комок, и она даже и не знала почему.

— Мне кажется, это всего лишь еще один способ проиграть. Я не очень интересуюсь религией.

Выражение лица Евы стало вопросительным:

— Я о религии ничего не знаю.

— Я к тому, что слышала эту историю. Точно не могу сказать когда, но я была тогда совсем ребенком. Бог создает мир, Бог создает человека, Бог создает женщину, потом из-за женщины вся эта идиллия заканчивается. — Лили замолчала и после секундного колебания добавила: — Я думаю, ты сама это прекрасно знаешь.

Золотая окантовка вокруг радужки глаз Евы загорелась еще ярче.

— Что я сама прекрасно знаю?

— Ну, как с тех пор женщины попали всем в немилость. И я по собственному опыту могу сказать, что Бог в нас, женщинах, тоже сильно разочаровался.

— Можешь поподробнее рассказать об этом опыте?

Лили попыталась вспомнить, какой именно опыт она имела в виду, но не смогла. Она посмотрела на их сцепленные с Евой пальцы, и ей неожиданно захотелось плакать без какой-либо на то видимой причины.

— Не бросай меня сейчас, хорошо? — тихо попросила она Еву.

— Я тебя никогда не брошу. — Лили показалось, что в глазах Евы блеснула слеза. — Ты же моя дочь, поэтому я всегда в тебе, а ты всегда во мне.

Эти слова успокоили девушку. Ева подняла взгляд вверх:

— Смотри! Близится назначенный час. Я обещаю только одно: ты никогда не пожалеешь о том, что стала Свидетелем.

— Ну, что, ты опять к нам вернулась?

Даже с закрытыми глазами Лили поняла, что слышит голос Джона. Девушка почувствовала раздражение от того, что ее разбудили.

— Я наблюдал за тобой, пока ты спала, и тебе снился сон.

«Только этого не хватало! Он за мной подсматривает», — подумала она.

Джон тихо рассмеялся, словно прочитал ее мысли, но несколько не обиделся. Лили смутилась и покраснела.

— Когда тебе что-то снится, глаза под веками двигаются, словно ты видишь перед собой все то, что происходит во сне. — Он помолчал и продолжил: — На самом деле все, что ты видишь во сне, может быть совершенно реальным. Я не специалист по разгадыванию снов, в этом я точно не силен. Можно спросить об этом у Ученых. В любом случае ты полностью погрузилась в сон и потерялась в другой реальности... какой бы она ни была.

«Потерялась, — подумала Лили, — это именно то, что со мной произошло».

Там, где она находилась сейчас, все было до боли обыденным, а ее видения казались такими яркими и реальными. Она не желала быть Свидетелем, но при этом ей не хотелось расставаться с Евой. Сон потух, как яркие всполохи заката, и с его окончанием что-то в ней словно умерло.

Девушка вопросительно подняла брови, и Джон попытался угадать вопрос, который она хотела задать.

— Так о чем же тебе рассказать? Об Ученых или снах? Об Ученых, да или нет?

Ей почему-то показалось, что потребуется много усилий, чтобы моргнуть, поэтому она попыталась раскрыть рот, вокруг которого уже не было никакой металлической скобы. Она разомкнула губы, но смогла издать только хриплые нечленораздельные звуки. Джон решил, что это «Да», хотя на самом деле ее не интересовала ни одна из предлагаемых тем.

— Молодец! Наконец я услышал твой голос! Поздравляю! — Джон подвинул свой стул ближе к изголовью кровати. — Ученые — это эрудированные и умные ребята, которые изучают тот или иной предмет и могут говорить о нем долго и обстоятельно. Они очень образованные люди, эти самые Ученые. Они могут объяснить практически все, даже если это и неправда. — Джон взглянул на нее, ожидая увидеть улыбку, отметил, что его слова не произвели никакого впечатления, и продолжил: — К сожалению, чаще всего Ученые общаются только друг с другом и говорят на языке, который, кроме них самих, мало кто понимает. Если мне надо обратиться к Ученым, я обычно прибегаю к помощи Переводчика, чтобы разобраться в дебрях их глубоких знаний. В общем, общение с Учеными — дело далеко не простое. Но, если честно, сами Ученые — люди очень приличные, и многие из моих ближайших друзей являются именно Учеными.

Джон замолчал и наклонился ближе к ее лицу. На этот раз Лили попыталась изобразить то, что, по ее мнению, он ожидал. Она попыталась улыбнуться.

Казалось, Джон был несказанно рад ее улыбке, что положило конец раздражению, испытываемому в его адрес.

— Молодец! — радостно произнес он. — Я видел эту улыбку! Первая слабая улыбка, и я очень надеюсь, далеко не последняя. Хорошо, давай я тебе еще что-нибудь расскажу об Ученых. — Он осмотрелся кругом, словно боялся, что их подслушивают, и перешел на шепот: — Ученые часто приезжают в Прибежище. Вот недавно прибыли трое. Хотели увидеться с тобой и, я уверен, тебя исследовать. Рано или поздно тебе придется с ними встретиться. Я умею общаться с Учеными. Я знаю секрет. Главное — щедро угощать их вином или чем-нибудь покрепче. Чем больше они пьют, тем легче простым людям их понять.

Джон тихо рассмеялся. Лили должна была признать, что это замечание на самом деле было немного смешным.

— В общем, как я уже сказал, Ученые во всех смыслах милые ребята, и я многому у них научился. Хотя в их присутствии я редко в этом признаюсь. — Он помолчал и добавил: — Порой приходится приложить много усилий, чтобы выглядеть не таким умным, какой ты на самом деле.

Джон встал и громко рассмеялся. У Лили было не так много способов выразить свои чувства, поэтому она издала неопределенный звук и сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться.

— И это я тоже видел! — воскликнул он. — Даже тень улыбки делает тебя настоящей красавицей-принцессой!

Джон наверняка хотел сделать комплимент, но ей лишь стало ужасно тоскливо. Сами слова и тон, каким они были сказаны, должны были ее поддержать, но почему-то она не почувствовала радости, а восприняла их как предвестник какой-то трагедии, о которой еще не ведала.

Страх накатывался на нее морской волной. Общее ощущение дискомфорта усиливалось из-за того, что она не могла двигаться. Лили решила сконцентрироваться на дыхании и вбирать воздух медленно и глубоко. Постепенно страх прошел. Медленно вдыхая и выдыхая сквозь плотно сжатые зубы, она почувствовала, что успокаивается.

Она лежала на спине, глядела в потолок, и слезы текли по ее лицу.

Джон нежно вытер ее щеки и глаза. Она понимала, что он хочет ей помочь и желает только добра, но почему-то его прикосновения были ей отвратительны. По телу девушки пробежала дрожь.

— Дорогая, — сказал Джон с глубоким вздохом, — ты даже не представляешь, как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнила свое имя...

Лили казалось, что слезы — это единственный доступный ей сейчас способ общения. Слезы стали жидкими словами.

— Я скоро вернусь, — произнес Джон, погладил ее руку и вышел из комнаты.

Лили рассталась со всякой надеждой на то, что он ее поймет. Кроме злости и раздражения, она не испытывала ничего. Тяжесть этих чувств легла ей на грудь неподъемной могильной плитой. Она была рада тому, что он вышел, и закрыла глаза.

Тут она ощутила, как кто-то берет ее за руку, и сразу поняла, что это ее мать. Прикосновение было мягким и теплым. Все ее существо наполнилось радостью, а раздражение и злость мгновенно исчезли.

— Лили! — послышался шепот. — Возвращайся! Возвращайся и увидь!

Девушке передалась радость, с какой были сказаны эти слова, и с ладонью матери в руке она почувствовала себя в безопасности. Она подняла взгляд, ожидая увидеть лицо Евы, и чуть не вскрикнула. На расстоянии вытянутой руки находилась похожая на водопад стена, состоящая из вспышек света и падающей воды. Девушка подняла руку, чтобы прикоснуться к ней, но тут же отдернула, глубоко внутри себя услышав голос:

— Не достойна.

Лили отвернулась от стены. Раскаленное солнце медленно падало за линию горизонта. Тени, эти предвестники ночи, становились все длиннее.

— Мать Ева, — тихо спросила она, — что это за стена за моей спиной?

— Это граница Рая.

— Рая? Того самого Райского сада? — Лили произнесла эти слова и сама удивилась тому, сколько глубоко забытых воспоминаний они вызвали. — Совсем маленькой меня водили в соседнюю церковь. Там я сидела и слушала разные истории. А разве Рай не исчез после Потопа?

Ева рассмеялась, словно зазвенела хрустально чистая вода в горном ручье, и Лили смутилась. Женщина обняла ее и прижала к себе:

— Лили, со мной ты в полной безопасности. Я рассмеялась только потому, что твои слова показались мне смешными. Поверь, я никогда не стану смеяться, чтобы тебя устыдить.

Девушка медлила с ответом.

— Я чувствую себя такой глупой, когда не знаю то, что должна знать, — призналась она.

Ева снова рассмеялась, и на этот раз девушка не покраснела.

— Ну, как чему-то научишься, когда все знаешь? Чтобы научиться, надо сначала не знать, верно?

— Надо подумать, — сказала Лили и потом рассмеялась. — Все, теперь я тебя поняла.

Ева подняла палец, чтобы указать на то, о чем будет рассказывать:

— У Рая шесть границ, если считать и землю, на которой он стоит. По сути, Рай имеет форму куба. Ты понимаешь, что такое куб, Лили?

— Да, — пробормотала девушка в ответ. — Помню, мы это в школе проходили. Послушай, я, конечно, не хочу показаться грубой, но разве все это не сказка? Я имею в виду

все это. Включая тебя саму. Я, наверное, схожу с ума?

— Лили, ты знаешь, что Бог создал все, что существует в этом мире?

— Знаю только тогда, когда сплю, — ответила девушка. — Когда не сплю, все это кажется мне галлюцинацией, и я в это совершенно не верю. Я верю только в то, что все произошло из ничего.

— Послушай, я не спрашиваю тебя, во что ты веришь. Я спрашиваю, что ты знаешь.

— А в чем разница?

— Интересный вопрос. Судя по всему, галлюцинации способны убедить тебя в существовании того, во что ты уже веришь. Почему ты полностью сбрасываешь со счетов собственный опыт?

Лили почувствовала иронию в словах Евы.

— Иногда проще и спокойнее не замечать вообще ничего, — ответила Лили. — Особенно когда все вокруг кажется железобетонно реалистичным.

Ева помолчала, после чего вновь стала рассказывать о Райском саде.

— Рай там, где большая радость, истинное и чистое наслаждение. Придет время, и в этом саду зародится жизнь, появится все, что существует на земле.

Лили почувствовала, как глубоко в душе что-то встрепенулось, словно порыв ветра всколыхнул пламя одинокой свечи.

Тут ее внимание привлекло движение, начавшееся по всей равнине. По ее периметру встали гигантские часовые, созданные из разноцветных языков огня. Эти часовые обозначили границу, внутри которой стали появляться существа-духи, выстраивавшиеся стройными рядами, словно солдаты на параде или балерины в театре. За этими существами-духами выросли ряды самых разных человекоподобных гуманоидов, животных и птиц. Потом рядами поползли всякие твари и гады: насекомые, рептилии и самые разные виды земноводных, знакомых человеку и совершенно незнакомых существ. Вдали, в водных пучинах миллионы морских и речных тварей внимали происходящему. Вселенная словно застыла, стала недвижима и, временно оставив борьбу за выживание, уважительно и внимательно прислушивалась и приглядывалась к происходящему.

Настала ночь, и вокруг засияли разноцветные мерцающие огни. В небе возникли миллионы радужно-ярких точек. Самые разные существа прибывали со всех сторон, и все они чего-то ждали. Казалось, весь космос сконцентрировался и сжался в этом месте и в это конкретное время в предвкушении того, что должно свершиться.

Лили оказалась в самом центре бесчисленного количества существ. Зазвучала музыка, и мелодия мягким покрывалом накрыла всех собравшихся. Воздух наполнился ароматом сандалового дерева, мирры, изысканных и тонких благовоний, запахом спелых и сочных фруктов, цветов гиацинта, сирени, лаванды, привкусами гвоздики, корицы, куркумы и имбиря. Казалось, божественной мелодии подпевают даже далекие звезды, бросающие свой свет на нашу Землю. Все мироздание застыло в ожидании.

Вскоре после того как все собрались, в стене Рая растворилась дверь, и из проема вырвались лучи ослепительного света. В этот момент все присутствующие пали ниц или низко склонили голову, и Лили показалось, что перед воротами Рая они с Евой остались вдвоем.

Ева незаметно толкнула девушку локтем, чтобы привлечь ее внимание:

— Смотри.

Однако пока Лили видела только приближающийся свет — вихрь приглушенных

оттенков красного, как в сердолике, и ярко-зеленого, как в изумруде. Все это буйство обрамляли нити расплавленной яшмы. Цвета сталкивались и переливались, и из их центра появилась... человеческая фигура.

— Кто этот человек? — шепотом спросила Лили.

— Это не просто человек. Это Вечный Человек! Это Господь! Адонай!

— Человек, который является Богом?

Но больше Ева не дала никаких объяснений.

Казалось, Вечный Человек, в одеждах из белого света, танцует. Его голову украшал скромный венок из цветов и трав. Лили всем существом потянулась к Нему, ей хотелось поведать Ему все свои секреты, слиться с Его величием и навсегда забыть о своем стыде. Перед ней стоял Бог, в которого она верила всей душой. Адонай поднял руки, и все лежащие перед ним ниц встали.

Потом произошло нечто, бесконечно удивившее Лили. Вечный Человек сел и, как ребенок в песочнице, стал сгребать в кучку красно-коричневую землю у своих ног. Он играл, и в каждом Его движении была радость. Он сидел на земле и собирал в кучку пыль между своих ног. Порыв легкого ветерка играл с Его волосами и помогал Ему собирать Его сокровище. Девушка вытянула шею, чтобы лучше видеть Адоная. Руки Бога и ветер аккуратно сбивали в кучку драгоценную пыль.

Потом Лили услышала смех. Это был смех Вечного Человека и Ветра. Это был чистый и искренний смех, похожий на смех ребенка. На глазах Вечного Человека появились слезы радости, которые падали и орошали собранную Его сильными руками между Его ног горку песка.

Потом Вечный Человек начал петь. Мелодия Его песни была совершенно иной, чем та, что Лили слышала ранее. Мелодия накатилась на нее волной, и девушка ощутила огромную радость, какой еще никогда не испытывала. Кроме этого, впервые на своей памяти она почувствовала, что в мире была и есть надежда. Хотя она не смогла бы сказать, на что именно надеется. Ее сердце забилося быстрее.

Из земли под горкой пыли, собранной Вечным Человеком, начал медленно бить источник. Адонай пел этой горке пыли и потом со светлыми слезами радости на глазах засунул руки внутрь. После этого Он издал радостный крик, от которого Лили вскочила на ноги. Ребенок вот-вот должен был появиться на свет. Раздался пронзительный детский плач, и Адонай высоко поднял над головой младенца.

— Это сын, это сын!

Все и вся ликовало. Лили была в восторге.

— Мать Ева! — звала она, стараясь перекрыть рев толпы. — Ты видела?

Но Евы нигде не было. Впрочем, внутренний голос подсказал Лили, что Ева прекрасно видела все, что произошло. Ева сдержала обещание, и Лили была бесконечно рада тому, что стала свидетелем этого рождения.

Надежда померкла в душе девушки, и она закричала:

— Ребенок! Ребенок не дышит!

Хрустально чистый голос Вечного Человека заглушил какофонию радостных криков:

— Вот венец Моего творения, радость Моего сердца! Смотрите и дивитесь, это Мой любимый сын, и нареку Я их Адамом!

— Их? — удивилась девушка.

Ребенок не двигался.

Надежда померкла в душе девушки, и она закричала:

— Ребенок! Ребенок не дышит!

— У нее приступ! — раздался откуда-то издалека голос Джона. — Сделайте что-нибудь! Быстрее!

Лили трясло, ее мышцы непроизвольно сокращались и расслаблялись. Сквозь закрытые веки она почувствовала, что ее окружает теплый и жидкий свет. Она ощутила себя в полной невесомости, и спазмы, сотрясавшие до этого все ее тело, прошли.

— Выключите аппарат! — послышался повелительный женский голос.

«Но ведь ребенок не дышит!» — хотела закричать Лили и тут ощутила ослепительную вспышку света. Девушка открыла глаза и уставилась в синее и ровное, как блин, небо. Она снова оказалась в комнате, в которой лежала без движения, как мертворожденный ребенок.

Глава 4

Секреты

Она переживала о судьбе младенца. Как язык, еще не привыкший к исчезновению зуба, постоянно возвращается к месту, где зияет пустота, ее мысли возвращались к тому, что она видела. Однако прошло две ночи и два дня, и у нее не было ни одного сна или видения, имевших отношение к тому, чему она была Свидетелем. Лили чувствовала себя так, словно находится в густой темной жидкости, где, на удивление, она способна дышать. Все, что она видела, или все, что ей грезилось, объяснялось воздействием медикаментов, введенных в ее организм. В мозгу всплывали отдельные несвязанные картинки — что-то из того, что она помнила по детской воскресной церковной школе, или что-то из ее личного, весьма туманного прошлого. Все, что она видела вместе с Евой, казалось ей сейчас, по прошествии нескольких дней, очень странным и практически необъяснимым. Но с другой стороны... ребенок и его рождение были очень-очень реальными.

Лили чувствовала, что к ней постепенно возвращаются силы. Так как девушка не могла двигать головой, она была в состоянии смотреть только вверх. Потолок и стены комнаты, в которой она находилась, напоминали своды пещеры оттенка слоновой кости и перламутра. Периферийным зрением она замечала по краям размытую окантовку ярко-синего цвета, как у барвинка. Все это было очень похоже на небо, которое, правда, нисколько не менялось с течением времени. Может быть, потолок был даже сделан из мрамора, потому что на нем виднелись прожилки, преломлявшие световые лучи и создававшие успокаивающий душу и глаз рисунок.

Она лежала и смотрела на потолок, надеясь увидеть там жука, муху или любое иное доказательство того, что в этом мире есть другие живые существа, кроме Джона и Летти. От Джона не исходило ощущения опасности, но почему-то ей казалось, что в его присутствии, на всякий случай, следует быть начеку.

Джон практически постоянно находился в комнате. Она слышала, как он говорит о ней, и в его голосе чувствовалась искренняя забота. У него была весьма обыденная внешность, его нельзя было назвать ни красивым, ни безобразным. Когда он улыбался или смеялся, его лицо светлело и преображалось. Каждый раз, увидев Джона склоненным над изголовьем ее кровати, она внимательно изучала его лицо, выискивая что-то подозрительное, что-то такое, что он пытался от нее утаить. Ему не стоило доверять на сто процентов. Его кожа была загорелой, борода — аккуратно подстриженной, а волосы с сединой, словно крупномолотый перец посыпали солью. У него было лицо человека, родившегося на Ближнем Востоке. Джон казался ей старым. Не просто очень старым... а еще старше старого. Однако, несмотря на недоверие, в целом он ей нравился.

Кем была она сама и что пережила, пока оставалось загадкой для них обоих. Лили подсознательно чувствовала и была уверена только в одном: все мужчины — существа опасные и непредсказуемые.

Несмотря на то что Джон много говорил, он не раскрывал ей какой-либо важной информации. Возможно, он просто волновался о состоянии ее здоровья и не хотел повторения припадка, произошедшего с ней. Он, словно в танце, деликатно обходил стороной сложные темы, и складывалось ощущение, что, несмотря на всю расположенность

к ней, он стремится сохранить некоторую дистанцию.

Состояние ее здоровья постепенно улучшалось. Сперва она моргала в ответ на его слова, потом стала отвечать хрипами и мычанием, а после уже тихим шепотом.

В один прекрасный день, увидев, как он входит в комнату, девушка хрипло произнесла:

— Я вспомнила. Меня зовут Лили, Лили Филдс.

— Ну, здравствуй, Лили Филдс, рад с тобой познакомиться! — воскликнул Джон. — Очень красивое имя. И подходит тебе гораздо больше, чем «Египет». При этом я совершенно не против Египта как такового.

— Египет?

— В контейнере, где я тебя нашел, были личные дела с фотографиями. На твоём деле было написано «Египет». Конечно, это кличка или кодовое слово, а не настоящее имя. По твоему внешнему виду я бы сказал, что ты выросла где-то на островах, а уж совсем не в пустыне. Но при этом замечу, что Хилеры, занимающиеся твоим лечением, утверждают, что у тебя есть гены и островитян, и людей, проживающих в пустыне.

— Даже и не знаю, что сказать. Спасибо за богатую генетику.

— Интересно, — Джон подошел к ней ближе, — а как именно ты вспомнила свое имя? И при каких обстоятельствах?

— Оно пришло ко мне во сне. Или галлюцинации.

— Ааа, опять сны. Это хорошо. Хочешь подробнее рассказать о своих снах? У меня такое ощущение, что тебе часто снятся сны.

Лили задумалась:

— Нет, пока не хочу. Я никак не могу разобраться в своих снах.

Она не могла объяснить ему то, чего сама не понимала, и почувствовала, что не хочет продолжать разговор. Девушка не знала, что и думать о неизвестной ей удивительной чернокожей женщине по имени Ева, называвшей себя ее матерью. Она не знала, что думать о Начале Всех Начал и рождении ребенка, чему была свидетелем. Иногда ей казалось, что она просто сходит с ума.

Ночью, когда все кругом спали и свет был потушен, Лили ощутила, что выходит из своего тела и поднимается над ним. Она смотрела в окно на мерцающие звезды. Казалось, звезды танцуют. Их движение напомнило о том, что она видела с Евой, — сперва полный, непроницаемый взгяду туман, а потом феерия света.

Лили пребывала в полудреме, и как только сон подступал ближе, слышала плач младенца и снова возвращалась к реальности.

Потом ей стало казаться, что в ночи раздаются звуки голосов. Так она лежала в кровати, сама не зная, спит или бодрствует.

— Приди и увидь, — услышала она женский голос и почувствовала, как кто-то сжал ее ладони.

— Ева, это ты? — прошептала Лили.

Женщина рассмеялась и обняла девушку.

— Ты жива, — прошептала Ева, — а я Мать Всех живых. Ты должна стать Свидетелем и увидеть рождение ребенка, о котором так часто думаешь.

Тут Лили почувствовала, что словно проходит сквозь плотную, черную занавесь со складками, разделяющую два мира и два временных измерения, портал между Прибежищем и Началом Всех Начал. Как только она оказалась по другую сторону портала, Ева отпустила ее руку. Они стояли рядом, а у них за спиной находилось то, что можно было принять за

водопад из воды и света.

— Ребенок? — спросила Лили и сделала шаг к тому месту на земле, из которого Адонай вынул младенца.

Ева положила девушке руку на плечо и остановила. В этот момент Вечный Человек, сидевший над собранной кучкой земли и пыли, поднял лицо и широко улыбнулся. Он вознес окутанного светом младенца и прижал к Своей груди. Он посмотрел прямо в глаза Лили, и она почувствовала себя на удивление умиротворенно и спокойно. Казалось, один взгляд Вечного Человека исцелил все ее душевные раны и больше нет ни горечи, ни разочарования, ни стыда. Взгляд Адоная обещал, что в мире есть надежда. Лили отвела глаза, словно пытаясь избавиться от наваждения.

Из стены за спиной Вечного Человека появились Огонь и Энергия, которые вместе с ним склонились над младенцем и поцеловали его. Это был не просто поцелуй, не просто соприкосновение губ. Вечный Человек, Огонь и Энергия вдохнули в младенца жизнь, и у новорожденного появилась живая душа.

Тишину прорезал громкий детский плач, и Лили с облегчением вздохнула.

— Адам родился, — прошептала Ева девушке, положив руку на ее плечо.

Бесчисленные духи, существа, животные, рыбы и насекомые — вся Вселенная издала радостный крик, и духи-гонцы понесли благую весть во все ее концы.

— Гонцам известны порталы, соединяющие миры, — объяснила Ева. — Они отправились во все уголки Вселенной, чтобы принести радостную весть о нашем Отце.

С двух противоположных сторон и из темноты за спиной Адоная появились огромные силуэты трех существ.

— Кто это? — поинтересовалась Лили.

— Это херувимы, — ответила Ева тоном, в котором слышалось большое уважение.

Каждый из трех силуэтов был гигантским, но по мере приближения к Вечному Человеку они постепенно уменьшались, пока не стали обычного человеческого роста. Несмотря на это, в их присутствии девушке казалось, что сама она стала гораздо меньше. Ноги херувимов не касались земли, а за их спинами угадывались огромные, мощные невидимые крылья.

Двое херувимов, подошедших к Адоною с противоположных сторон, почтительно склонили головы. Третий помедлил, но потом тоже поклонился. У него на голове сияла корона, украшенная двенадцатью большими драгоценными камнями. Вечный Человек обратился к херувиму в блистательной короне:

— Смотри, Миропомазанный херувим. В Моих руках младенец, венец Моего творения. Этот младенец будет управлять всем, что Я сотворил, — видимым и невидимым.

У Лили было так много вопросов, но, сама не зная почему, она застыла в благоговении перед младенцем.

Голос ангела был полон теплоты, но прозвучал спокойно и сдержанно:

— Адонай, вижу, Ты собрал у Своих ног кучку земли и пыли. Ты впустил Свое дыхание в эту кучку грязи, и что изменилось? Да, Ты создал младенца по Своему образу и подобию, но это слабое, хрупкое и незащитное дитя... и его появление в мире ничего не меняет. Ты создал мир таким, каким его видишь, Ты вечен, и природа Твоя нерушима. Зачем Тебе показывать Себя с этой бесконечно слабой стороны? Зачем Ты вдохнул жизнь и дал надежду такому слабому существу?

Лили нахмурилась.

— Все младенцы слабые и беспомощные, — пробормотала она сквозь зубы.

— И такими мы остаемся всю свою жизнь, — добавила Ева.

Лили подняла на нее взгляд, но Ева не стала развивать свою мысль.

— Ты удивлен? — спросил херувима Адонай, глядя на него взором, полным материнской любви, отеческой доброты и божественной праведности. — Удивлять — это в моей природе. Так что же, мой любимый Миропомазанный херувим, окажешь ли ты честь?

С этими словами Адонай приподнял ребенка, показывая его ангелу, и Лили увидела, что младенец все еще соединен с землей пуповиной.

На лице херувима появилось выражение непонимания.

— Мачиара? — спросил он.

Вечный Человек кивнул.

Пальцы Евы на плече Лили сжались крепче. Херувим не стал брать младенца на руки, а из складок своей сотканной из лучей солнечного света одежды достал небольшой, острый как бритва нож. Лили невольно открыла в испуге рот. Одно легкое движение этим ножом, и горло младенца будет перерезано, что, без сомнения, докажет слабость и беззащитность новорожденного.

Но ангел аккуратно перерезал ножом пуповину младенца, которого Адонай с любовью снова прижал к Своей груди. Новорожденный спокойно и сладко спал в крепких руках Господа.

— Спасибо!

— Ты оказал мне большую честь, — произнес ангел, с изумлением рассматривая лезвие ножа с каплями крови и кусочками грязи. — И это действительно венец Твоего творения?

Ангел вытер лезвие о ткань одежды Адоная и спрятал его в ножны.

— О, Лучезарный, — ответил Адонай, покачивая на руках младенца. На его до этого ослепительно белых одеждах появилось пятно крови и земли. — Существуют тайны, непостижимые даже тебе. Этот младенец — плоть от плоти Моей, и любовь Моя к нему будет вечной. Никто никогда не скажет, что Их появление в мире ничего не меняет.

На глаза Лили навернулись слезы.

— Но почему же Он называет ребенка во множественном числе «они»? — вытирая тыльной стороной ладони слезы со щек, спросила она Еву.

— Смотри, — ответила Ева. — Придет время, и ты все поймешь.

— Вот что Я тебе скажу, ангел, — произнес Адонай, — будь кротким и смиренным, склони голову и помни свое место. Да пусть твой путь будет путем любви и служения.

— Я склоню голову, — ответил херувим неуверенно, — перед Тобой.

— Не только передо Мной, — потребовал Человек-Бог, — но и перед этим младенцем. Они — цари, и у них есть свое царство. Ради них ты служишь и не должен забывать о своем месте. Ты должен служить им всей душой.

— С радостью я склоняю голову и буду служить человеку, как служу Тебе! — заявил херувим.

В вихре света он поклонился, дотронулся до младенца обеими руками и поцеловал Вечного Человека в щеку.

— И это хорошо! — произнес Господь. — Смотрите на дитя! Благословенно будет чрево создания. Пусть все славят и празднуют появление новорожденного на свет. Это венец Моего творения. Закончился шестой день трудов Моих, и теперь Я буду отдыхать.

Лили проснулась на кровати в Прибежище. Ее щеки были мокрыми от слез, утереть

которые она не могла.

Неужели она была свидетелем рождения Адама? И как вообще такое возможно? Лили увидела ребенка, и ей захотелось, чтобы рядом был кто-то, любящий ее безусловно. Впрочем, такие чувства лучше было гнать из головы подальше. Но Адонай? Почему, как только она увидела Его, у нее возник непреодолимый порыв подбежать к Нему? И не просто к Нему, а в Него, сделать так, чтобы Он ее увидел и узнал. Так кто же этот Адонай? Человек или Бог?

Эти мысли стремительным водоворотом затягивали ее в сумрачные глубины отчаяния. Она сосредоточила свое внимание на том, чтобы просто дышать: вдыхать и выдыхать.

К девушке подошел Джон и чем-то мягким, как ангорская шерсть, вытер ей слезы с лица.

— Потом, когда ты окрепнешь, — сказал он, — я отведу тебя в хранилище, где лежат вещи из контейнера, в котором ты приплыла. Может быть, это тебе поможет.

— Какие вещи? — с трудом выдавила она из себя.

— Просто разные вещи. Приплывшие вместе с тобой из того времени и места. Кстати, среди них нет ни одной книги. В том мире, где ты выросла, никто не читает?

— Что-то не припоминаю, чтобы я читала так, что не оторваться, — сказала она, после чего Джон дал ей выпить что-то теплое, чтобы у нее не так сильно болело горло.

— А жаль, — заметил он. — Хорошая книга, как хорошая песня или искренняя любовь, способна изменить космос. Понятное дело, что для подготовленного человека.

— А почему я ничего не помню?

Над ней появилось лицо Джона.

— Случается, что после травмы или трагедии у человека бывает амнезия, но через какое-то время память возвращается. После того как совет принял решение держать тебя в Прибежище, с твоим лечением возникла масса проблем и сложностей. У тебя часто случались припадки, грозящие свести на нет все наши усилия, поэтому тебе стали давать специальные препараты, блокирующие память.

— Что?!

— Это препараты с временным действием, ничего постоянного. Последние несколько дней мы уже уменьшаем их дозу. Хочу предупредить, возможны флешбэки — возвращение тех или иных воспоминаний, которые могут показаться тебе чем-то уже знакомым. Не стоит волноваться, ты не сходишь с ума.

— Ура! — не без иронии тихо сказала она.

Джон продолжал говорить о детских книжках и о том, как они создают основу образования, на которой строится вся цивилизация. Как только он упомянул детские книжки, перед ее внутренним взором появилась целая вереница картинок, и ее мозг неожиданно заработал с удивительной скоростью.

Она танцевала до тех пор, пока вокруг не стали появляться зловещие тени, после чего в страхе убежала.

Она была маленькой девочкой. Женщина читала ей сказку о принце, змее, лисе и розе, а она в рваном платице делала пируэты посреди комнаты под звуки мелодии, раздававшейся в ее голове. Она танцевала до тех пор, пока вокруг не стали появляться зловещие тени, после чего в страхе убежала.

Воспоминания были ужасными. Испуганная девочка пряталась в темном шкафу. Сидя в нем, она сквозь щель видела лежащую на полу женщину и стоящего над ней мужчину. Потом

шаги приблизились к шкафу. Она закрыла глаза, чтобы спрятаться там, где ее точно никто не найдет, а именно внутри своей головы. Ручка медленно повернулась.

И снова ее глаза наполнились слезами.

— Иногда я слишком много говорю, — пробормотал Джон и снова принялся вытирать ей лицо.

— Не страшно, — ответила она.

Ей не хотелось, чтобы он воспринимал ее слишком слабой и ранимой, слабее, чем она есть на самом деле.

— Лили, — сказал Джон, — хотел сообщить тебе хорошие новости. Твое лечение проходит успешно, и мы постепенно снижаем дозы медицинских препаратов. Скоро ты вообще перестанешь их принимать.

— И что произойдет после этого? — спросила она.

— Скоро мы начнем физиотерапию. Сначала ты будешь садиться в кровати. А со временем снова будешь ходить, танцевать, петь и делать все то, что делают все дети.

Джон упомянул танцы, и по лицу Лили пробежала тень. Впрочем, откуда он мог знать, что она только что вспоминала?

— Тебе придется много работать, — продолжал Джон, — но я уверен, ты со всем прекрасно справишься. Как сама считаешь?

— Я готова, — ответила девушка и сделала такой глубокий выдох, словно задерживала дыхание в течение нескольких месяцев.

— Ну и прекрасно! И чтобы отметить это событие, у меня есть для тебя небольшой подарок.

— Подарок? — удивленно переспросила она и неожиданно почувствовала тревогу. Интересно, почему при мысли о подарке ей стало неприятно?

— Ты упомянула о том, что в детстве мало читала, но я считаю, что у каждого человека есть своя история, и поэтому каждый из нас — рассказчик. Просто многие боятся, что ничего не получится, поэтому не стремятся рассказать свою историю. Но я уверен, что ты, Лили, девушка смелая.

Джон замолчал и показал ей что-то завернутое в подарочную бумагу в цветочек и перевязанное голубой ленточкой.

— Джон, ты же знаешь, что я не могу двигаться.

— Знаю. Но этот подарок я упаковал сам, поэтому в состоянии снять с него обертку.

— Тогда снимай, не томи.

Он аккуратно снял бумагу и показал ей красивый ежедневник в кожаном переплете с выдавленными узорами в виде кругов. Ежедневник закрывался массивной пряжкой. Джон объяснил, что Лили может записывать здесь свои мысли. Он также сказал, что этот дневник может открыть только она сама и что для этого надо приложить большой палец к пряжке. Внутри кожаной обложки на задней стороне дневника была вставлена пластина наподобие планшета.

— А вот это, — указал Джон, — устройство, записывающее твои воспоминания и чувства. Эта вещь работает сама по себе, ее нет смысла трогать.

Лили была рада подарку и признательна Джону. Наверное, это был лучший подарок в ее жизни.

— Спасибо, Джон, — поблагодарила она.

— Пожалуйста. Я надеюсь, что эта вещь тебе поможет. Я и сам иногда пишу. Можно

сказать, что, когда пишешь, ты лечишь сам себя.

— Может, ты и прав, — ответила она. — Скажи, Джон, а у тебя в библиотеке нет сказки о принце, змее, лисе и розе?

Он задумался.

— Я, кажется, знаю, какую сказку ты имеешь в виду, — воскликнул он. — Я найду эту книжку. Хочешь, чтобы я ее тебе прочитал?

— Да, хочу. Любой человек может взять книжку и прочитать ребенку. Это, кажется, доктор Сьюз говорил.

Коллекционер рассмеялся:

— Ничего себе! Доктор Сьюз, говоришь? Интересно, а сколько тебе лет?

Лили почувствовала, что краснеет, и с вызовом в голосе ответила:

— Пять!

Джон замолчал. Потом его лицо появилось прямо над ней.

— Прости, я не хотел тебя расстроить, — тихо сказал он. — Я не знаю, что именно в моих словах показалось тебе неприятным. Но если я действительно сделал тебе больно, то прошу у тебя прощения.

Она и сама не знала, что именно в его словах ее так сильно задело.

— Все в порядке, — сказала она примирительным тоном. Она старалась дышать глубже, чтобы побороть охватившие ее чувства. — Прости меня за то, что я так неожиданно и без причины на тебя разозлилась.

— Значит, ты меня прощаешь? — спросил он.

Его голос был таким добрым, что она уже не смогла сдержать чувств, и слезы потекли ручьем, как из прорвавшейся плотины. Она не просто плакала, а рыдала навзрыд. Она оплакивала потери, которых даже не помнила, оплакивала боль, причина которой оставалась ей неизвестной. Она не помнила ни событий, ни лиц, но ей почему-то было бесконечно больно. Она плакала от того, что ей было страшно, она вновь почувствовала себя маленькой потерявшейся девочкой, не знающей, где ее дом.

И добрый Джон плакал вместе с ней. Он склонял голову до тех пор, пока их лбы не соприкоснулись, и положил ладони ей на виски. Их слезы смешались. Их плач был своего рода крещением. Казалось, слезы навсегда связали их судьбы.

Глава 5

Райский сад

— Идем, Лили, — прошептала женщина.

Девушка встала, и в тот же момент ее тело начало ярко светиться. От этого ощущения она чуть не потеряла сознание.

Лили глубоко вздохнула, свечение исчезло, и все вроде бы пришло в норму.

— Мать Ева, — спросила девушка, — где мы сейчас?

Вокруг них был лес, в глазах рябило от ярких и сочных цветов самых разнообразных растений, слышалось пение птиц, пахло ароматами трав.

— Мы внутри Райского сада, — ответила Ева. В ее присутствии девушка чувствовала себя спокойно и уверенно. — Рождение Адама, которое ты наблюдала, произошло за пределами Райского сада.

Этот сад показался ей во всех смыслах райским, однако не проходило странное ощущение, что она здесь уже когда-то была. В саду было тепло, влажно и очень приятно.

«Видимо, именно это мы все и должны чувствовать, — промелькнула у нее мысль. Но тут же ей вслед появилась другая: — Нет, мы все должны жить совсем не так, а по-другому. И вообще, ты находишься там, где не должна находиться. Ты совсем из других мест».

— Лили, хочешь еще кое-что увидеть?

Девушка кивнула, и Ева взяла ее за руку. Они поднялись в воздух. При этом Лили казалось, что ее ноги прочно стоят на земле, хотя сама земля быстро удалялась. Земля уходила из-под ног, и от этого у Лили закружилась голова. Она поняла, что лучше смотреть не вниз, а вверх и верить, что то незримое, на чем она стоит, никуда не денется. На всякий случай она несколько раз топнула ногой, чтобы проверить прочность того, на чем стояла. Было такое ощущение, что под ногами что-то непробиваемо твердое. Ева искоса посмотрела на нее и ухмыльнулась.

Они медленно поднялись чуть выше крон деревьев и повисли в воздухе без движения.

— Вот это Райский сад, — объяснила Ева. — Место, созданное для всех нас.

— Вот это да! — воскликнула девушка. — Сад, оказывается, огромный!

Кроны деревьев расстилались, насколько мог охватить глаз. На горизонте виднелись стены, вздымающиеся до небес. Казалось, они были сделаны из фонтанов переливающейся всеми красками радуги воды. Одна из неприступных стен оказалась достаточно близко, и Лили удалось хорошо ее рассмотреть. Это были границы Райского сада. Воздух внутри был теплым и благоухающим.

— Помнится, ты говорила, что Райский сад имеет форму куба. Сад, конечно, очень большой, но все равно у меня такое чувство, что все люди здесь не поместятся.

— Границы Райского сада могут раздвигаться и сжиматься. У этого места свои законы, и здесь с пространством могут происходить вещи, которые тебе, возможно, будет трудно понять. Этот сад создан для того, чтобы в нем жило все живое. Но это произойдет не сейчас и не сразу.

— В твоем голосе слышится грусть, — заметила Лили.

Ева улыбнулась:

— Это совсем не грусть, дочь моя. Я просто вспоминаю. Здесь, в этом месте, все

правильно. Здесь все по справедливости.

— По справедливости?

— Здесь справедливые отношения. Здесь верят друг другу. Здесь все встречаются лицом к лицу.

— А это вообще возможно? — Лили не задумываясь выпалила этот вопрос и смутилась. — Я серьезно. Такое вообще бывает?

Ева сильнее сжала ее ладонь:

— Да. Не надо смущаться и стыдиться, что задала этот вопрос. Все мы в душе чувствуем, что потеряли что-то очень важное и ценное. И это говорит о том, что есть надежда и что еще не все потеряно. Это говорит о том, что мы можем вернуться.

— Куда вернуться?

— В этот сад.

— Но ведь Господь тебя-то не выгнал из Рая?

Ева глубоко вздохнула и, казалось, собиралась ответить, но тут ее внимание что-то привлекло, и она улыбнулась:

— Прислушайся.

Откуда-то издалека раздавалось радостное, но слегка фальшивое пение. Звуки приближались к ним. Эту песню пел мальчик, идущий по лесу.

— Это...

— Да! Это Адам. Смотри!

Но Лили посмотрела не на Адама, а на Еву и увидела лицо молодой и влюбленной женщины.

Открыв глаза, она увидела склонившееся лицо Джона.

— Зачем ты меня разбудил? — огрызнулась она.

Лили была очень недовольна тем, что ее сон прервали.

— Нет, я тебя не будил, — ответил он.

— А, ну тогда доброе утро.

Над ее головой возвышался мраморный потолок.

— Сейчас уже совсем не утро. Дело идет к концу дня.

— Правда? — Она повернула голову, чтобы посмотреть в окно.

— Ого! Ты поворачиваешь шею! — воскликнул Джон. — Потрясающий прогресс! Видимо, эмоциональная активность благоприятно на тебя подействовала. Меня предупреждали о том, что, когда ты начнешь двигать шеей, настанет переломный момент.

Она еще раз повернула голову. В мышцах шеи действительно произошли какие-то важные изменения.

— Осторожнее! — предупредил он. — Не перенапрягайся и не крути головой слишком сильно. Пора снимать путы, не позволявшие тебе двигаться.

— Что еще за путы?

— Что-то типа гипса, который накладывают после перелома. Дело в том, что, когда я тебя нашел, практически все кости в твоем теле были сломаны. Чтобы Хилеры могли тебя лечить, мы попросили Мастеровых соорудить специальный аппарат, который бы зафиксировал твои кости в неподвижном положении.

— А что именно со мной произошло?

— У тебя были многочисленные переломы шейных и спинных позвонков. Я нашел тебя

практически в замороженном состоянии. Холод, судя по всему, помог тебе тогда выжить.

Девушка обратила внимание на то, что Джон очень тщательно подбирает слова. Было ясно, что он не хочет ее пугать, особенно в ситуации, когда она пережила столько нового за последние часы.

— У меня есть пара вопросов, — сказала она. — Сколько я здесь уже нахожусь? Я имею в виду в этой комнате?

Джон задумался:

— Где-то около года.

— Около года?! Я здесь уже около года?!

— Ну, да, почти.

— А откуда я?

— Мы точно не знаем, откуда именно, но с Земли.

— С Земли? А здесь что, не Земля?

Джон отрицательно покачал головой.

— А где же тогда находится... этот остров?

— Остров находится в океане, название которого ты, скорее всего, никогда не слышала. Остров расположен на изгибе миров и измерений. На самом деле мест, подобных нашему острову, достаточно много.

— Джон, это же полное сумасшествие.

— Я прекрасно понимаю твои чувства.

— А кто-нибудь меня искал? Кто-нибудь... интересовался фактом моего исчезновения?

— Насколько я знаю, никто, — ответил Джон, глядя в сторону.

В душе Лили появился страх.

— Целый год? Правда? А я смогу вернуться... домой?

Джон откашлялся и поерзал на стуле.

— Лили, я понимаю, что все это не укладывается у тебя в голове, — произнес он. — Пожалуйста, пойми, я тебе очень сочувствую.

— Джон, объясни мне, почему я здесь? Я же вообще никто.

Она закрыла глаза. В горле першило, в голове был полный бардак, и она не могла собраться с мыслями. Лили не помнила ничего о собственном прошлом и не знала, кто она. Иногда к ней приходили обрывки воспоминаний. Еще были сны или видения, но она не хотела рассказывать о них Джону: ей казалось, что он сочтет ее сумасшедшей. А она не хотела, чтобы он считал ее сумасшедшей, потому что его мнение и участие были ей очень важны.

— Лили, не надо так говорить, — сказал он. — Не стоит считать, что ты никто. Ты узнаешь свое предназначение, всему свое время. Мне кажется, ты устала. Давай поговорим об этом в другой раз?

— Нет, давай не будем откладывать этот разговор! Не уходи! — произнесла она, не открывая глаз.

Джон не тронулся с места и оставался стоять около ее кровати.

— Скажи, как лечили меня Хилеры? Что именно со мной делали? — спросила она с раздражением в голосе.

— Они соединили твой позвоночник с головным мозгом... И вообще все, что было разорвано. А потом присоединили то, что надо было присоединить.

— И что конкретно надо было присоединить?

Джон вздохнул и рассказал Лили о том, что одна из ее ног раньше принадлежала другому человеку. Джон быстро добавил, что другой девушке, и это, по его мнению, было «хорошими новостями». Последний комментарий показался Лили абсолютно гротескным.

Джон объяснил ей, что, когда Лили нашли в контейнере, одна из ее ног была сломана и раздавлена так сильно, что держалась только на коже.

Лили поинтересовалась, откуда взяли эту ногу. Джон сообщил, что в контейнере было еще несколько замерзших трупов девушек.

— Что?! — в ужасе переспросила Лили, почувствовав, как к горлу подкатывается тошнота.

Джон стал говорить быстрее, словно скорость передачи информации могла заглушить шок, который испытывала Лили.

— Хилеры пришли к выводу, что трансплантация ноги — это гораздо лучше, чем искусственный протез. Они предложили использовать более-менее подходящую ногу одной из погибших девушек, находившихся с тобой в одном контейнере.

Лили было так плохо, что она решила больше не вдаваться в детали.

— Джон, как ты думаешь, что произошло со мной и теми, кто был в контейнере?

— Об этом можно только догадываться. — Джон надолго замолчал, а потом продолжил: — Произошло что-то ужасное. Думаю, никто из вас не заслужил такого.

Лили почувствовала, что вот-вот потеряет сознание, и решила изменить тему разговора.

— А когда именно мне пришили новую ногу? Я не помню никаких Хилеров. В этой комнате были только ты и Летти.

— Ты спала или была без сознания, и все это время тобой занимались Хилеры. — Лили молчала, и Джон продолжил: — Эту комнату построили специально для тебя. Каждую ночь ее герметически закрывают, а потом наполняют жидкостью, в которой можно дышать. Дело в том, что тебя постоянно надо переворачивать, и сделать это так, чтобы не причинить вреда, можно только в условиях невесомости, а именно под водой. Утром тебя клали в кровать, и жидкость из комнаты откачивали. Ты лежишь и не видишь, что вокруг множество лестниц, по ним взбирались Хилеры, чтобы с тобой работать.

Лили продолжала молчать. Казалось, она снова впала в кому, чтобы ничего не видеть, не думать и не чувствовать. Джон подошел ближе, чтобы лучше видеть ее лицо.

— Лили, у тебя еще есть вопросы? — спросил он.

— Больше нет, — ответила она и тут же добавила: — Нет, постой. Еще один вопрос. Почему все это произошло именно со мной?

Он улыбнулся:

— А почему бы и не с тобой?

Несмотря на то что Джон, очевидно, хотел разрядить ситуацию и предлагал ей взглянуть на ситуацию с другой стороны, девушка не была удовлетворена его ответом.

— Я не имею в виду во вселенском смысле. Я говорю о тебе. Почему ты ради меня решил устроить себе всю эту головную боль? Ты же меня даже не знаешь. Почему ты ради меня так старался?

Он задумался:

— Я уверен, что ты появилась в моей жизни не случайно. Наши жизненные пути пересеклись потому, что Бог меня любит.

— Потому что Бог тебя любит?

Он ухмыльнулся:

— Да, Лили, именно потому, что Бог меня любит. Как и почему мы с тобой оказались связаны, для меня остается загадкой. Но ты, Лили, человек не простой. Ты — дочь Евы.

«Дочь Евы? Интересно, откуда Джон мог знать о моих видениях?» — мысленно удивилась она.

— Ты имеешь в виду Еву, жену Адама? Но ведь это всего лишь библейская история. Сказка, другими словами.

— Вот как, — протянул Джон. — Чем дальше, тем интереснее. — Он покачал головой: — Лили, сказки и мифы появляются не на пустом месте. Нет дыма без огня. Ты можешь считать их вымыслом, но это совершенно не исключает того, что они могут оказаться правдивыми, понимаешь?

Лили захотелось признаться Джону и рассказать о своих видениях, но она решила не торопить события.

— Значит, ты считаешь, что Рай — это не сказка, а реальность? Мне всегда истории о Рае напоминали сказку про Деда Мороза.

— А я считаю, что Рай — это не сказка, а быль или реальность, — ответил Джон. — Лили, хочешь я прочитаю тебе эту историю из Библии? Она достаточно короткая и не утомит тебя.

— Хорошо, давай, — ответила она, стараясь не показывать, как на самом деле эта история ей интересна.

Джон исчез и вскоре появился с книгой в потрепанном кожаном переплете.

— Приношу свои извинения. Это не оригинал, так сказать, не самая первая Библия, однако этот манускрипт на том языке, на котором она изначально была написана. Я переведу тебе, насколько это в моих силах. Хотя было бы лучше, чтобы этот отрывок тебе зачитал кто-нибудь из Ученых. Подождем или ты все-таки хочешь, чтобы это сделал я?

— Я бы предпочла, чтобы ты сам мне его прочитал, — ответила она.

Джон пододвинул стул поближе к кровати, открыл книгу с конца и начал читать,водя взглядом по строчкам справа налево.

— Элохим создал... — Джон оторвал взгляд от страницы и посмотрел на Лили: — А ты знаешь, что в оригинальном тексте Господь Элохим употребляется во множественном числе, а Руах, Святой дух, или дыхание, женского рода?

Лили только подняла брови и пожалала плечами.

— Ну, ладно, пожалуй, я просто читаю текст, — сказал Джон и продолжил чтение: — Вначале Господь Элохим создал небо и землю...

Джон зачитал девушке отрывок о сотворении мира.

— И это было хорошо, и потом Господь отдыхал? — спросила Лили.

Слова из Библии вызвали в ее воображении ряд ярких и убедительных картинок, словно она сама присутствовала при том, о чем было написано в этой книге.

— Да, — ответил Джон, — все правильно. Именно так оно и было. И все было хорошо, даже очень хорошо.

Он замолчал, и у Лили сложилось впечатление, что он собирался еще что-то сказать, но передумал.

Джон поднялся со стула и откашлялся:

— Ну, ладно. Мне кажется, на сегодня довольно. Не хочу тебя переутомлять. Будет желание, почитаю в другой раз, а сейчас тебе надо отдыхать. Сегодня был хороший, продуктивный день. А теперь спи спокойно, и хороших тебе снов.

Он нажал несколько кнопок, и свет в комнате стал приглушенным. Глаза у Лили закрылись.

Засыпая, девушка почувствовала, как кто-то взял ее за руку, она приподнялась над землей и полетела.

— С тех пор как ты видела его в последний раз, Адам сильно вырос, — объяснила Ева.

Лили казалось, что никакой паузы в общении не было. Открыв глаза, девушка увидела, что находится рядом с ней. Неподалеку раздавалось пение.

Из леса вышел молодой человек. Он был худой, высокий, с густыми, спутанными черными волосами, измазанными глиной, с кожей цвета слоновой кости. Он пел во все горло и шел по лесу, подпрыгивая и пританцовывая. На нем были одежды из солнечного света.

Увидев наготу Адама, Лили смутилась и отвела глаза.

— Очень милый молодой человек, — сказала она. — А почему он... голый?

— Голый?! — искренне удивилась Ева. — Он родился голым. Ему не надо прикрывать свою наготу — ее прикрывает любовь Господа. Человеку не надо стыдиться своей слабости и немощности.

— Я бы не сказала, что он выглядит слабым и немощным.

— Я имею в виду не физическую слабость. Я говорю о том, что он полностью зависит от Элохима.

— Хорошо, вот это уже понятней, — ответила Лили. — Но я не понимаю ни одного слова из его песни.

— Тем не менее, ты услышишь, увидишь и поймешь все, чему станешь Свидетелем.

— Интересно, а он нас с тобой видит?

— Нет. Он не знает о том, что ты здесь. Не забывай, ты еще не родилась. Так почему он должен тебя видеть?

— А тебя он видит?

Этот вопрос Ева оставила без ответа.

Они парили над лугом, по которому шел Адам. Молодой человек напевал и пританцовывал, иногда останавливался, чтобы сказать что-то чему-то, чего Лили не видела. Впереди перед Адамом журчал ручеек. Адам подошел к нему и, как ребенок, бросился в воду. Неожиданно он замер и прислушался.

Послышалось чье-то пение. Точно так же, как и Адам, эту мелодию пели слегка фальшиво. Было видно, что он узнал голос поющего, поэтому быстро вылез из ручья и побежал в сторону, откуда раздавался голос.

— Сейчас они будут общаться, — объяснила Ева. — Я говорю о Господе и Адаме. Каждое утро они встречаются, говорят, смеются и веселятся. Так они отмечают начало нового дня.

Ева прислушалась. Казалось, она слышит разговор, который Лили не в состоянии услышать. Ева улыбнулась.

— Лили, мне кажется, тебе стоит к ним присоединиться. Адонай приглашает и ждет тебя.

— Адонай меня приглашает? — Лили не поверила своим ушам.

Девушка была рада приглашению, но очень стеснялась. Тут же в ее голове возникло множество причин, по которым не стоило этого делать.

— А я обязана принимать приглашение? — спросила она.

— Конечно, не обязана. Это ведь приглашение, а не приказ. — На лице Евы появилась улыбка, и Лили поняла, что к ее решению, каким бы оно ни было, отнесутся с пониманием.

— Не могу, — ответила она. — Я вообще не отсюда, а совершенно из других мест. Поэтому, наверное, не стоит их беспокоить.

Ева обняла ее:

— Хорошо. Но помни о том, что приглашение остается в силе. Присоединяйся к ним, когда почувствуешь себя готовой.

В голосе Евы не было ни капли осуждения. Несмотря на мимолетную грусть, Лили с облегчением вздохнула.

Они подлетели ближе к Адаму и Адонаю. Лили увидела, что вокруг Адама возник вихрь из огня, воды и ветра, и поняла, что так Адонай обнимает своего сына. Рядом с Адамом стоял Вечный Человек. На сотканных из солнечных лучей одеждах Адама были пятна крови и грязи, появившиеся при его рождении. Они казались вышивкой на его облачении.

Лили смотрела на них, и ей ужасно хотелось, чтобы Вечный Человек обнял ее так, как только что обнимал своего сына.

Адам и Господь присели, прислонившись спиной к стволу дерева на опушке леса. Вокруг них девушка видела две танцующие стихии Огня и Ветра. Ева и Лили спустились на землю приблизительно в десяти метрах от Адама и Господа. Адонай посмотрел на них, улыбнулся и приветливо кивнул. Лили почувствовала, что Господь приветствует ее, и очень обрадовалась.

— Он меня видит, — прошептала девушка Еве. — Ты представляешь, он меня видит!

— Он все видит, — ответила Ева. — И Он не просто тебя видит. Он тебя знает.

— Сын Мой, — говорил Господь Адаму, — ты радость Нашей радости, ты — яркие лучи Нашего величия и славы.

— А Ты — моя отрада! Я так Тебя люблю! — отвечал Адам с искренностью и радостью маленького ребенка. — Я исследовал местность, — продолжил он и начал рассказывать Вечному Человеку о том, каких существ видел утром.

Адам имитировал звуки, которые издавали эти существа, и рассказывал о том, как с ними общался. Он был молодым, но умным и сообразительным, он на лету ловил мысли и идеи, что приятно удивило Лили. Вечный Человек и Его сын общались, и девушка, как в теплых волнах, купалась в словах, которыми они обменивались.

Лили была полностью поглощена общением Адама с Вечным Человеком. Потом, взглянув на Еву, она с удивлением обнаружила улыбку на ее губах и слезы в глазах. Ева крепко обняла девушку и, не отрывая взгляда от двух мужчин, прошептала:

— Спасибо тебе, Лили.

— За что?

— Прежде я никогда не видела их такими. Не видела, насколько мальчик влюблен в Своего Творца. И этот бесценный подарок сделала мне ты, Лили.

— Я не понимаю, о чем...

— Тише. Давай послушаем. Это важно.

— Райский сад плодоносит и без моей помощи, — говорил Адам, — так почему же мое участие в процессе роста всего живого имеет такое большое значение?

— Твое участие имеет огромное значение, но оно действительно не обязательно, — с улыбкой отвечал Господь.

— Так почему же Ты говоришь о том, что я должен возделывать этот сад и охранять

его? — удивлялся Адам. Он замолк, пытаясь найти нужные слова. — Скажи мне, за пределами этого сада есть что-то, чего я должен опасаться?

— Ты задаешь правильные вопросы, сын Мой. Ты не просто растешь, ты набираешься Мудрости, и она тебе пригодится, когда придет пора управлять всем живым. Не торопи события, пусть все идет своим чередом. Набирайся Мудрости. Возделывай свой сад. Это важно, но, в конечном счете, не обязательно. Возделывая сад, ты чтешь и преклоняешься перед Нами.

— Я люблю и обожаю Тебя! — воскликнул Адам и, как белка, быстро забрался на нижние ветви дерева, под которым они сидели.

— А Мы обожаем тебя! — Адонай тоже забрался на дерево, и они с сыном начали осматривать Райский сад.

Адам встал на ветке, расставив руки в стороны. Его звонкий смех напоминал журчание горного ручья. Потом он задумался и стал серьезным.

— А почему я не умею летать, как птицы? Я видел, как летают они, но я так не могу. Я всегда падаю вниз, как камень, — сказал он и быстро опустил руку, показывая, как падал.

— Тебя притягивают к земле добрые силы. В один прекрасный день ты сможешь понять, как они работают, и покорить их, — ответил Господь с улыбкой. — У Нас тоже есть к тебе вопрос. Можешь пройти сквозь это? — И Господь постучал пальцем по стволу дерева.

— Могу попробовать, — ответил Адам, ударился лбом о ствол дерева и показал на появившуюся шишку: — Как видишь, проходить сквозь предметы у меня получается гораздо хуже, чем у Посланцев.

— Адам, Мы даровали тебе и всем, кто в тебе находится, жизнь и свободу. Мы с тобой неразрывно связаны. И пока это так, пока мы смотрим друг другу в лицо, у тебя всегда будет жизнь и свобода.

На лице Адама появилось выражение непонимания, и Лили осознала, что он пытается осмыслить новую для него мысль. Адам несколько секунд висел на ветке и размышлял, после чего спрыгнул на землю и повернулся лицом к стоящему перед ним Адонаю.

— Мое лицо всегда будет повернуто в Твою сторону. Мое сердце и дух всегда с Тобой. Да как я могу допустить, чтобы...

Господь протянул руку и обнял своего сына Адама:

— Любить — это значит идти на риск. Ты свободен и можешь сказать Нам «Нет», можешь усомниться в Нашей любви и отвернуться от Нас.

Адам нахмурился:

— И что же произойдет, если такое случится?

— Ты отвернешься от Нас, и в твоей душе появится тень. И эта темнота станет для тебя реальной Меня. И до тех пор пока ты снова не повернешься ко Мне лицом, эта темная пустота будет вводить тебя в обман. Ты перестанешь понимать, кто Мы есть для тебя и кем ты сам являешься для всего мироздания.

— И как называется эта тень, как называется изменение, которое может произойти? — спросил Адам, глядя в глаза Того, кого любил всей душой.

— Эта темнота не заслуживает имени, — прошептал Вечный Человек, — но она будет называться смертью.

Лили почувствовала на своей груди тяжелую и холодную как лед руку, готовую вот-вот ее раздавить, и с трудом произнесла:

— Я знаю, что такое смерть. Ева, мы должны предупредить Адама.

Ева крепко сжала ее пальцы. Девушка почувствовала тепло, оно струилось по телу и давало силы бороться с ледящим холодом. На лице Евы появилось выражение гнева и негодования.

Потом Лили услышала Голос, прозвучавший в ее голове, будто это была ее собственная мысль.

— Лили, — произнес Голос, — верь Мне.

Со звуками этого Голоса ледяная рука исчезла с ее груди, и Лили глубоко вздохнула.

— Мне не нужно смерти, — прошептал Адам. — Ведь смерть — это полная противоположность жизни?

— Нет, Адам, у жизни нет никакой полной противоположности. Жизнь — это единственное и ни с чем не сравнимое. Жизнь — это Благодать. Жизнь — это основа Нашей природы.

Адам на секунду задумался и потом спросил:

— А во мне есть частичка смерти?

Вечный Человек улыбнулся и дотронулся до щеки мальчика:

— Нет, Адам, ни в тебе, ни в том, кто заключен внутри тебя, нет смерти. В вас есть только жизнь. Сейчас и всегда ты можешь есть плоды с Древа жизни, ты можешь дышать Моим Духом, ты можешь смотреть Нам в лицо.

Адам прикоснулся к руке Вечного Человека и улыбнулся:

— Ты знаешь, как сильно я люблю деревья и плоды, которые Ты создал. Я забочусь об этих деревьях, но не ради какой-либо пользы.

В воздухе зазвенел смех. Казалось, Лили и Ева, подобно родителям, наблюдают за тем, как их дети делают первые неуверенные шаги. Наступил вечер, и свет Господа озарил Вечного Человека и Его сына. Создатель и созданный им словно грелись в лучах взаимной любви.

Женщины молча наблюдали за Господом и Его сыном. Лили не знала, почему Ева плачет. Девушке всей душой хотелось подбежать к Господу, чтобы познать Его любовь, но внутренний голос шептал ей, что она недостойна, поэтому Лили словно приросла к земле. Внутренний голос шептал ей, что она никогда не будет любима так, как Адам.

— Я хочу знать только жизнь, — сказал молодой человек. — Я хочу всегда быть с Тобой лицом к лицу.

— Адам, — произнес Господь, — ты знаешь, что Мы любим тебя бесконечно. Ты должен Мне верить. Каждый день слушай то, что Мы будем тебе говорить, внимай тому, чему Мы будем тебя учить, и ты познаешь Добро и Благодать. Это не приказ, и в том, о чем Мы тебя просим, нет ничего сложного. Это сделать легко.

— И чему же Ты научишь меня сегодня? — спросил Адам.

— Ты можешь есть плоды всех деревьев Райского сада, в особенности Древа жизни, растущего в самом центре. И лишь плоды одного дерева тебе есть нельзя. В тот день, когда ты попробуешь эти плоды, ты познаешь Добро и Зло, и в этот день ты умрешь.

— Я знаю, что такое Добро. Ты всегда о нем рассказываешь. Скажи мне, что такое Зло?

— Зло — это смерть, а Добро — жизнь. Если ты отвернешься от жизни, от света и Добра, отвернешься от Нашей любви и перестанешь Нам верить, ты познаешь тень смерти, потому что жизнь — это общение с Нами лицом к лицу, а смерть — это когда ты отворачиваешь от Нас свое лицо.

— Я не хочу смерти и зла! — ответил Адам.

— Тогда возрадуйся свободе и славь Наше имя, — сказал ему Господь.

Адам, как малое дитя, сел Господу на колени и положил голову Ему на плечо. Вечный Человек обнял Своего ребенка, а вместе с ним и все человечество, и запел колыбельную.

Лили слушала колыбельную, и глаза ее закрывались. Потом девушка почувствовала, как Ева берет ее за руку и они летят. Девушка ощущала теплое дыхание своей матери, словно та осыпала ее поцелуями.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Crystal meth — метамфетамин. — *Примеч. пер.*